

Отдел 1. Общее учение о кооперации

- Глава I. Социалистический идеал
- Глава II. Социально-экономическая природа кооперации
- Глава III. Классификация кооперативов

Глава I. Социалистический идеал

1. Кооперация и социализм

В истории человечества можно различить процессы двоякого рода. Одни имеют бессознательный, стихийный характер и являются непреднамеренным результатом взаимодействия множества отдельных человеческих волей. Каждый человек преследует в узкой сфере своей частной деятельности свои особые цели, защищает свои особые интересы, но и из столкновения этого множества особых целей и интересов получается нечто качественно новое, нечто такое, что не укладывается ни в какую из этих отдельных целей, ни в какой из этих отдельных интересов.

Процессы этого рода играли первенствующую роль в прошлой истории людей, особенно в истории хозяйства. Как произошла, например, великая промышленная революция, ознаменовавшая переход человечества к новой системе общественного хозяйства, капитализму? Капиталистический общественный строй возник не потому, чтобы общество убедилось в несостоятельности прежних хозяйственных форм и признало необходимость перехода к капитализму. Капитализм возник «сам собою»: множество отдельных лиц, не сговариваясь друг с другом и не думая об общественных, исторических результатах своих действий, упорно стремились построить свое частное хозяйство таким образом, чтобы оно приносило им наибольшую выгоду, и так как старые формы хозяйства оказывались стеснительными и препятствующими этим целям, то эти старые формы в конце концов рухнули, и весь строй общественного хозяйства испытал глубочайшее преобразование. Не государственная власть как определенная общественная организация и не какая-либо общественная группа как нечто объединенное общей волей создали новую систему хозяйства, но множество независимо действовавших отдельных хозяев, каждый из которых преследовал свои частные, а не общие цели.

Однако наряду с такими стихийными процессами в истории действуют и процессы принципиально иной природы, управляемые сознательной волей и мыслью человека. В развитии хозяйства процессы этого рода лишь редко приобретают первенствующее значение. Почти единственным примером новых форм хозяйственных организаций, возникших как результат сознательных усилий широких общественных групп преобразовать в определенном направлении существующую систему хозяйства, являются кооперативные предприятия.

Чтобы понять своеобразную социально-экономическую природу кооперации, нужно не упускать из виду этой ее особенности, самым резким образом отличающей кооперативные

предприятия от капиталистических. Капитализм был создан стихийным развитием хозяйства, причем государственная власть, правда, содействовала этому развитию, но не создавала его в результате определенного замысла.

Напротив, кооперация возникла исторически совершенно иначе. Кооперация была раньше придумана отдельными людьми как средство преобразования существующего социально-экономического строя и лишь в непосредственной связи с этим творческим замыслом стала могучей социальной силой. В противоположность «естественному» процессу развития капитализма кооперация была создана «искусственно». Она имела своих духовных отцов и явилась в результате влияния на капиталистическое общество социалистического идеала.

Таков исторический факт, благодаря которому понимание кооперации невозможно без знакомства с социалистическим идеалом. Социализм явился как реакция против капитализма. Капиталистический строй, естественно, предполагает юридическое (а в дальнейшем своем развитии и политическое) равноправие всех членов общества. В этом существенное различие и вместе революционное значение капитализма сравнительно с более ранними системами хозяйства — рабским и крепостным. При системе рабства работник является предметом собственности владельца средств производства, он — существо в полном смысле слова бесправное. При господстве крепостничества за помещиком сохраняется право пользования трудом крепостного; политических прав крепостной совсем не имеет, а гражданские права его крайне ограничены. И только при системе капитализма работник становится в смысле как гражданских, так и политических прав таким же полноправным гражданином, как и владелец средств производства.

Однако этому полному юридическому равенству, характерному для капитализма, сопутствует в экономической области почти столь же глубокое неравенство, как и при предшествовавших системах рабского и крепостного хозяйства. Будучи лишен средств производства, пролетарий в капиталистическом обществе неизбежно попадает в экономическую зависимость от капиталиста, владельца средств производства, подобно тому, как раб находится в экономической зависимости от своего собственника, а крепостной — своего помещика. В экономической области, при господстве капиталистической системы, не только не наблюдается равенства в отношениях рабочего и капиталиста, но рабочий по-прежнему эксплуатируется собственником средств производства, как и при господстве рабского и крепостного хозяйства. Но в то время как экономическое неравенство при прежних системах общественного строя вполне соответствовало правовому мировоззрению того времени, отрицавшему равенство человеческой личности, экономическое неравенство в системе капитализма оказывается в самом резком противоречии с правовыми воззрениями капиталистического общества, признающего равенство всех людей основой действующего права.

Сущность социализма заключается в требовании экономического равноправия всех членов общества. Социалисты утверждают, что экономический строй современного общества не соответствует правовым воззрениям нашего времени, признающего, что все члены общества имеют равные права на участие в благах культуры. Отрицание социалистами права частной собственности вытекает из их требований экономической равноправности всех. При господстве частной собственности, говорят они, между отдельными лицами

возникает экономическая борьба, в которой побеждает сильнейший; право наследства закрепляет и усиливает возникшее социальное неравенство, ведущее к эксплуатации одних общественных групп другими, и в конце концов так торжественно провозглашаемая современным правом равноправность всех оказывается пустым словом. Вот почему социализм в своем стремлении к равенству приходит к более или менее широкому отрицанию права частной собственности, иначе говоря, к требованию общности владения.

2. Общая классификация форм социалистического строя

В пределах социалистических построений будущего общественного строя нужно различать несколько существенно различных типов. Поэтому, чтобы правильно понять внутреннее содержание социализма как представление об определенном роде будущего общественного устройства, нужно прежде всего дать классификацию различных типов социалистического общественного строя.

Наиболее естественной является, быть может, следующая классификация:

А. Социализм в узком смысле слова	Б. Коммунизм
1) государственный (коллективизм)	1) государственный
2) синдикальный	2) коммунальный
3) коммунальный	3) анархический
4) анархический	

Основным делением социализма является деление его на социализм в узком смысле слова и коммунизм. При системе социализма в узком смысле каждому члену общества обеспечивается определенный доход при полной свободе расходования этого дохода. Предметы потребления покупаются отдельными лицами так же, как и при существующей системе хозяйства, за счет дохода данного лица. Но предметы потребления продаются не в частных лавках и магазинах (каковых не существует), а в общественных складах, ибо средства производства при системе социализма принадлежат не отдельным частным лицам, а всей общественной группе, которая при помощи коллективного труда и производит соответствующие продукты.

Таким образом, при этой системе средства производства не находятся в частной собственности отдельных лиц, но принадлежат всей общественной группе, которая и распоряжается ими по своему усмотрению. Напротив, предметы потребления переходят в частную собственность отдельного лица после того, как оно купило их за счет своего дохода. Это различие в условиях пользования средствами производства и предметами потребления проводится социализмом по следующим соображениям. Если бы было допущено присвоение в частную собственность средств производства, то это неминуемо привело бы к экономическому неравенству и эксплуатации экономически более слабых

более сильными. Поэтому социализм принципиально, не допускает присвоения в частную собственность средств производства. Последние должны быть в распоряжении всей общественной группы, которая и организует в общих интересах общественный труд. Что же касается предметов потребления, то социализм в узком смысле допускает переход их в частную собственность для того, чтобы не стеснять свободу частной жизни, предполагающую свободу выбора предметов потребления. Эта свобода распоряжения предметами потребления не приводит к нарушению принципа экономической равноправности всех, ибо каждый может приобретать предметы потребления лишь в пределах своего дохода, право на который у всех одинаковое.

Допуская свободу распоряжения своим доходом, социализм в узком смысле неизбежно предполагает сохранение многих экономических категорий современного хозяйственного строя, и прежде всего цены. Предметы потребления переходят в распоряжение отдельного лица при господстве социализма не даром, но лишь по оплате их соответственно их цене. Однако в противоположность товарным ценам нашего времени цены эти строятся не на основе борьбы заинтересованных лиц, столкновения интересов покупателей и продавцов, а свободно назначаются обществом по соображениям целесообразности.

Лица, желающие купить соответствующие предметы потребления из общественных складов, должны подчиняться этим ценам, хотя, конечно, они могут отказаться от приобретения соответствующих предметов, и в таком случае предметы эти останутся непроданными в общественных складах и не перейдут в общественное потребление.

Если предметы потребления покупаются отдельными лицами за счет дохода последних, то должны существовать в той или иной форме и деньги как покупательное средство и мерило цены. Правда, деньги в социалистическом обществе будут иметь существенно иную экономическую природу, чем в наше время: при господстве товарного производства деньгами может быть только тот или иной товар, в социалистическом же строе роль денег может играть любой условный знак или документ, выпускаемый общественным союзом. Дело может устроиться, например, следующим образом. Каждый гражданин получает чековую книжку на определенную сумму. Приобретая нужные ему предметы потребления, каждый владелец такой книжки уплачивает за них чеком. Цены продуктов (а значит, и чеки) могут быть выражены в таких же денежных единицах — рублях, марках, франках, — как и в настоящее время. Но существенная разница будет в том, что теперь рубль, марка, франк выражают собой определенное количество золота, имеют, следовательно, определенную самостоятельную ценность. При господстве же социализма рубль, марка, франк будут только чисто условными обозначениями, счетными единицами, не имеющими за собой никакого металлического обеспечения.

Чем же будут обеспечиваться чеки, выдаваемые обществом, при системе социализма? Всею совокупностью продуктов, которыми располагает общество. Современное государство должно покрывать свои бумажные деньги звонкой монетой, так как оно не располагает предметами потребления, нужными владельцам бумажных денег. Социалистическое общество не нуждается в таком обеспечении — оно является первоначальным владельцем всех предметов потребления, изготовляемых в его пределах, и может удовлетворить непосредственно предметами потребления всех предъявителей его чеков.

Итак, социализм предоставляет своим гражданам такую же свободу выбора предметов потребления, какая существует и в товарном хозяйстве современности. Напротив, производство предметов потребления совершенно изъимается при господстве социализма из сферы частного хозяйства и передается обществу в его целом.

Социализм в узком смысле является, таким образом, системой денежного хозяйства (хотя в ином смысле, чем современное товарное хозяйство). Напротив, коммунизм есть система натурального хозяйства. Коммунизм тем принципиально отличается от социализма в узком смысле, что в коммунистическом обществе продукты распределяются между отдельными лицами без посредства денег в какой бы то ни было форме. Никакой купли-продажи в коммунистическом обществе не существует, и всякий потребитель получает от общества нужные ему предметы потребления даром, без всякой уплаты. Поэтому в коммунистическом обществе отсутствует категория цены, равно как и категория дохода.

Если предположить, что коммунистическое общество располагает такими мощными производительными силами, что все потребности его членов могут быть удовлетворены полностью, то коммунизм может допустить полную свободу общественного потребления: каждый член общества берет для своего потребления из общественных складов все, что ему нужно, без каких бы то ни было ограничений со стороны общества. Но подобная свобода предполагает чрезвычайно высокие размеры общественного богатства. Если общественное богатство не столь значительно, то полная свобода для каждого захватывать все, что ему нужно, неизбежно должна повести к тому, что потребности некоторых членов общества будут удовлетворены недостаточно вследствие того, что другие удовлетворяют свои потребности в большей мере. И поэтому коммунизм, если считаться с реальными условиями общественного хозяйства, неизбежно должен отказаться от предоставления каждому свободы потребления. Такая свобода заменяется при господстве коммунизма предоставлением каждому определенного количества предметов потребления известного рода.

В то время как при системе социализма каждый свободно выбирает по своему вкусу нужные ему предметы потребления, при системе коммунизма отдельные граждане получают от общества те предметы потребления, которые общество считает нужным предоставлять своим членам. Система общественного хозяйства при господстве коммунизма очень упрощается, но в ущерб свободе личного потребления.

3. Централистический, корпоративный, федералистический и анархический социализм

И та, и другая система социалистического хозяйства — социализм в узком смысле и коммунизм — может быть разбита на несколько подвидов соответственно большей или меньшей степени централизации общественного хозяйства. Соответственно этому

социализм в узком смысле распадается на следующие подвиды: государственный социализм, синдикальный, коммунальный, анархический.

Государственным социализмом (коллективизмом) может быть назван такой строй социализма, при котором хозяйственной единицей являлось бы все государство. Средства производства принадлежат в этом случае государству в его целом, которое и организует в национальном масштабе общественное производство. Государство составляет ежегодно национальный бюджет подобно тому, как в настоящее время составляется государственный бюджет; государственная власть заранее определяет общественные потребности в различных продуктах и соответственно распределяет общественное производство, которое выполняется рабочими армиями. Каждый гражданин должен отбывать в течение определенного числа лет эту всеобщую трудовую повинность, подобно тому как в настоящее время отбывается воинская повинность. Изготовленные продукты поступают в государственные склады и покупаются частными лицами.

Все трудоспособные граждане обязаны отбывать трудовую повинность, и взамен этого им обеспечивается определенный доход. Доходом этим они распоряжаются совершенно свободно и покупают за его счет предметы потребления в государственных складах.

План коллективистического государства был впервые разработан французским социалистом Пекером² и в настоящее время привлекает к себе все более сочувствующих социалистов. Под флагом коллективизма выступают и марксисты, поскольку вообще марксисты имеют определенное представление о строе будущего общества.

Симпатии социал-демократов коллективизму объясняются тем, что только в широких рамках государства могут вполне развернуться колоссальные производительные силы, созданные капитализмом. Чем крупнее производство, тем рациональнее техника и тем большее применение получают машины. Свободно располагая своей национальной территорией и всеми миллионами рабочих, социалистическое государство может достигнуть такого огромного повышения производительности общественного труда, на которое не может рассчитывать более мелкая хозяйственная единица.

С другой стороны, предоставляя каждому свободу приобретения в государственных складах по своему выбору предметов потребления, государство не стесняет свободы частной жизни и не грозит превратиться в колоссальный рабочий дом.

По этим соображениям большинство современных социалистов склоняются в пользу коллективизма.

Синдикальным социализмом можно назвать такую форму социалистического строя, при которой средства производства принадлежали бы не всему государству как целому, но отдельным группам рабочих, работающих при помощи этих средств производства. Земледельческие рабочие являлись бы в этом случае владельцами земли, углекопы — угольных копей, машиностроительные рабочие — механических заводов, ткачи — ткацких фабрик и т.д. и т.п. Каждая из этих групп рабочих является автономной и самоуправляющейся производительной единицей. Изготовленный продукт принадлежал бы

тем рабочим, которые его произвели, и продавался бы ими за свой счет в государственных магазинах. Суммы, вырученные за продажу этих продуктов, распределяются между рабочими в пределах изготовившей эти продукты рабочей группы.

Синдикальный социализм (представителями которого были Луи Блан³, Лассаль⁴, теперь являются так называемые синдикалисты) неизбежно должен иметь частичный характер, так как некоторые отрасли хозяйства по самому своему существу не допускают подобной организации и должны быть в заведывании всего общества. Так, например, железные дороги не могут быть предметом полномочного распоряжения железнодорожных рабочих, ибо в правильном функционировании железных дорог заинтересовано все общество. Поэтому сторонники синдикального социализма всегда допускают, что синдикальная организация должна распространяться не на все, а лишь на некоторые отрасли хозяйства, другие же отрасли хозяйства должны быть в непосредственном заведывании государства. Продажа продуктов, изготовляемых рабочими группами согласно планам синдикального социализма, также должна быть в заведывании государства, а не автономных групп торговых посредников.

Вообще, при синдикальном социализме роль государства остается очень значительной, так как только государство может согласовывать действия различных рабочих ассоциаций и регулировать распределение между ними средств производства.

При коммунальном социализме государство совершенно исчезает или роль его сводится к очень незначительным функциям. Самым замечательным представителем коммунального социализма был Фурье⁵, с необычайной яркостью и отчетливостью изобразивший условия жизни социалистической общины, названной им фалангой. Фаланга слагается из нескольких сотен семейств, которые сообща владеют средствами производства, сообща работают и живут в одном общем колоссальном здании, названном Фурье фаланстером. Фаланга одновременно занята и сельскохозяйственным и промышленным трудом, Фурье мыслит ее как самодовлеющую хозяйственную организацию, мало нуждающуюся в обмене и покрывающую потребности своих членов преимущественно продуктами их собственного труда. Государство распадается на множество фаланг, каждая из которых обладает полной самостоятельностью.

Хозяйственные отношения отдельных фаланг построены на основании свободного обмена. Внутри фаланги господствует самая широкая свобода в выборе занятия и рода труда. Достигается это путем придания всякому труду возможно большей привлекательности. Труд исполняется обширными, свободно образующимися группами рабочих, в приятной и эстетической обстановке. Каждый получает за свой труд определенную плату, которую свободно расходует по своему усмотрению. Кроме того, получают особое вознаграждение капитал и талант. Вознаграждение капитала, с точки зрения Фурье, несколько не нарушает принципа равноправности всех членов фаланги, так как в фаланге всякий может быть капиталистом: вознаграждение труда настолько обильно, благодаря чрезвычайно высокой производительности труда, что рабочему трудно потребить весь свой заработок, который и превращается им в капитал. Кроме того, не нужно упускать из виду, что самый труд в фаланге, по представлению Фурье, является наслаждением, а не тягостным усилием, предпринимаемым ради необходимости заработать средства к жизни, как в наше время.

Поэтому особое вознаграждение капитала никоим образом не может получить характера эксплуатации одних членов общества другими, как в современном обществе.

Основная идея Фурье заключается в том, что все человеческие страсти и влечения по самой своей природе содействуют общему преуспеванию и счастью. Если в настоящее время обществу приходится бороться с естественными влечениями человека, то это лишь благодаря крайней неудовлетворительности общественного устройства. Страсти и влечения суть нечто данное человеку от природы и неизменное. Напротив, устройство общества может быть изменено человеком. Поэтому не влечения человека должны быть приспособляемы к общественному устройству, а это последнее должно быть приспособляемо к человеческим влечениям и страстям.

Фаланга и представляет собой такой социальный строй, в котором все человеческие страсти, имеющие теперь разрушительный характер, вредящие обществу, получают созидательный характер, будут служить на пользу общества. Возьмем, например, то естественное влечение человека, которое более всего препятствует хозяйственным успехам современного человека, — влечение к отдыху, отвращение к хозяйственному труду, лень. Само по себе упражнение мышц и нервов, равно как и всякая другая нормальная деятельность органов нашего тела, не только не доставляет человеку страдания, но вызывает приятные ощущения. Почему же в наше время человек обычно избегает хозяйственного труда и исполняет его только под давлением внешней необходимости? Потому что в наше время обстановка хозяйственного труда неприятна и неэстетична. Если хозяйственный труд будет происходить в иной обстановке и если род труда будет свободно выбираться человеком под влиянием внутреннего влечения, то этот труд станет доставлять человеку такое наслаждение, какое современному человеку доставляют спорт и разные физические игры; разве хозяйственный труд по самой своей природе менее приятен, чем спорт? То, что теперь называют ленью, является, следовательно, не чем иным, как возмущением нашей природы против той обстановки хозяйственного труда, которая создана современным общественным устройством. В фаланге влечение к свободному, приятному труду явится стимулом небывалого напряжения труда, которое теперь достигается только во время физических игр и спорта.

Точно так же честолюбие, жажда первенства, зависть, которые теперь являются источником стольких несчастий и такой вражды между людьми, будут в фаланге только содействовать повышению производительности труда. Скупость в наше время считается отвратительным пороком и вредит хорошим отношениям между людьми. В фаланге скупость никому вредить не будет и явится полезной общественной силой как противовес чрезмерной жажде чувственных наслаждений и как стимул к накоплению капитала.

Само собою разумеется, что при гармоничном устройстве фаланги и отсутствии внутри ее каких бы то ни было элементов насилия и принуждения необходимость в особой правительственной власти совершенно отпадает, равно как и потребность в суде, полиции, войске и т. д. В фаланге нет поводов к преступлениям, ибо всякий свободно следует своим влечениям.

Так рисует Фурье жизнь в фаланге, которая представляется ему вечным праздником, радостной и свободной игрой сил, присущих нашей природе. Государство исчезнет, исчезнут и современные города — их заменят свободные фаланги, живущие в социальных дворцах — фаланстерах.

Фурье близок к анархизму и только тем отличается от анархистов, что он считает необходимой фалангу, иначе говоря, требует определенной общественной организации труда и является противником хозяйственной независимости каждой отдельной личности. Самым выдающимся теоретиком социалистического анархизма является Прудонб. Сущность анархизма заключается в требовании полной свободы во всех областях общественной жизни, полной свободы личности, и прежде всего свободы личности от какой бы то ни было принудительной власти. Прудон в целом ряде сочинений подверг суровой критике государственное начало и пришел к выводу, что всякое государство, каков бы ни был его внутренний строй, будет ли оно основано на принципах единоличной власти кого-либо, господства привилегированного меньшинства или широких народных масс, в равной мере является организацией насилия. Предположим самое демократическое устройство государства. В этом случае власть принадлежит большинству народа. Но ведь подчинение меньшинства большинству есть такое же насилие, такой же деспотизм, как и власть меньшинства над большинством. Свобода человеческой личности протестует против всякого насилия, от кого бы оно ни исходило, от меньшинства или от большинства народа. И потому человеческая личность не может удовлетвориться до тех пор, пока она не освободится от какого бы то ни было государственного принуждения.

Государство должно исчезнуть, а хозяйственная деятельность должна свободно исполняться отдельными рабочими или группами их, причем связью между всеми отдельными производителями должно стать особое учреждение, названное Прудоном меновым или народным банком. Задача этого банка сводится к организации для производителей непосредственного обмена их продуктами. Каждый производитель или группа их доставляет в народный банк свои продукты и в обмен получает билеты банка. На эти билеты могут быть приобретены любые другие продукты, имеющиеся в банке. Таким образом может быть организован непосредственный обмен всех продуктов, производимых в пределах известной территории, причем банк возьмет на себя и организацию беспроцентного кредита. Благодаря такому кредиту каждый желающий или группа их будет получать требующиеся для производства орудия и материалы.

Народный банк упраздняет необходимость какой бы то ни было внешней принудительной организации общественного труда — общественный труд остается вполне свободным, и в то же время отдельные роды труда взаимно согласуются. Таким образом становятся возможными анархическое хозяйство и анархический общественный труд.

4 Централистический, федералистический и анархический

КОММУНИЗМ

Этими четырьмя типами — государственным, синдикальным, коммунальным и анархическим социализмом — исчерпываются планы социалистического (в узком смысле слова) устройства общества. Что касается коммунизма, то можно различать государственный, коммунальный и анархический коммунизм. Синдикального коммунизма быть не может, так как синдикальная организация предполагает обмен продуктами, а коммунизм не допускает никакого обмена.

Планы государственного коммунизма являются наиболее древними социалистическими построениями. Такие планы мы встречаем уже у эллинских мыслителей. Знаменитая «Утопия» Томаса Мора содержит в себе очень разработанный план коммунистического государства. В новейшее время представителем государственного коммунизма был Этьен Кабе⁷, в социальном романе которого «Путешествие в Икарию» изображена жизнь коммунистического государства.

При коммунистическом устройстве общества распределение продуктов между отдельными гражданами происходит не при помощи денег в той или иной форме, а путем непосредственного перехода продуктов из общественных складов в руки потребителей. Поэтому отпадает необходимость назначения цен продуктов и нормирования дохода членов общества.

В «Икарии» Кабе каждый гражданин получает из общественных складов без всякой платы все ему нужное. Государство заботится об удовлетворении нужд своих граждан, предоставляя каждому (соответственно полу и возрасту) одинаковое количество предметов не обходимости и удобства. Если предметов известного рода в распоряжении государства имеется слишком мало, чтобы наделить ими всех, то предметы эти совсем не производятся и их не получает никто.

В «Икарии» царят самое строгое равенство и самая строгая регламентация потребления. Все ходят (соответственно различиям пола, возраста, семейного положения) в одинаковых одеждах, живут в одинаковых квартирах, снабженных одинаковой мебелью, получают одинаковую пищу и т. д. и т. д. Во всем царит самый строгий порядок, и все подчиняется одним неизменным правилам. Всемогущее государство регулирует с начала до конца не только физическую, но и духовную жизнь своих граждан. Так как типографии принадлежат наряду с прочими средствами производства государству, то оно является и издателем книг и издает только те из книг, которые признает полезными.

Это единообразие потребления и отсутствие свободы личного выбора вместе со всемогуществом государства, подчиняющего себе всю духовную жизнь населения, составляют слабую сторону централистического коммунизма, почти не встречающего в настоящее время сторонников.

При коммунальном коммунизме хозяйственной единицей является не государство, а сравнительно небольшая община. Самым влиятельным представителем коммунального коммунизма был духовный отец кооперативного движения Роберт Оуэн⁸.

Оуэн был таким же решительным противником государства и насилия, как и Фурье, и для Оуэна государство подлежит уничтожению. Государство должно распаться на множество общин, вполне автономных и независимых друг от друга. Как и в фалангах Фурье, в общинах Оуэна сельское хозяйство должно соединяться с промышленным трудом. Общины эти должны возникать без малейшего принуждения с чьей бы то ни было стороны, путем добровольного вступления членов. Подобно Фурье, Оуэн представляет себе жизнь этих общин сосредоточенной в огромном центральном здании, в котором и вокруг которого должны быть сгруппированы промышленные мастерские и заводы, среди садов и полей, возделываемых членами общины. Никакой принудительной власти не должно быть места в такой общине. Даже выборное правление вызывает возражения со стороны Оуэна, и чтобы избежать последнего, наш социальный реформатор предлагает следующую организацию управления внутри общины. Все граждане делятся на возрастные группы, и каждая группа выполняет особую общественную функцию: до 20 лет граждане учатся, от 20 до 30 — заняты хозяйственным трудом в пользу общины, от тридцати до сорока — управляют внутренними делами общины, после сорока — внешними ее делами.

Так как число членов общины невелико (от 300 до 3000), то такая организация дает возможность всем гражданам в зависимости от своего возраста принимать равное участие во всех делах общины, и необходимость особого правления или правительства отпадает.

Вообще, между общинами Оуэна и фалангами Фурье замечается значительное сходство по целому ряду существенных пунктов. Тем не менее между организациями того и другого рода имеются и весьма важные различия. Прежде всего нужно помнить, что фаланги Фурье — организации социалистические, а общины Оуэна — коммунистические. Внутри фаланги распределение продукта совершается путем купли-продажи, члены фаланги получают за свой труд заработную плату да еще, кроме того, вознаграждение за талант и процент на вложенный в общее дело капитал. Величина доходов отдельных членов фаланги не одинакова, а характер общественного потребления столь же многообразен, насколько различны индивидуальные вкусы отдельных лиц. Напротив, община Оуэна имеет строго коммунистическое устройство. Всеми продуктами, производимыми общиной, владеют члены ее сообща, и никакой продажи продуктов отдельным лицам, равно как денежного вознаграждения последних, в общине не существует. Община Оуэна представляет собой как бы большую семью, где все имеют равное право участвовать в потреблении, и потому отсутствуют какие бы то ни было определенные правила для распределения продуктов.

Но и самые цели социальных организаций Фурье и Оуэна глубоко различны. По своему духовному складу Оуэн и Фурье были величайшими антиподами и пришли к своим планам социального преобразования путем совершенно противоположным. Оуэн долгое время был чрезвычайно успешным фабрикантом; затем его внимание привлекли вопросы воспитания рабочих, преимущественно морального. Как руководитель огромного фабричного предприятия, в котором от него зависели многие сотни людей, Оуэн пришел к убеждению в пластичности человеческой природы, в ее изменчивости под влиянием изменения условий среды. Будучи по своей духовной природе моралистом, Оуэн считал высшей целью общественного союза моральное возвышение человечества.

В течение ряда лет Оуэн пытался воспитывать в моральном отношении рабочих своей фабрики в Нью-Ланарке⁹. Но он не мог в конце концов не прийти к заключению, что нравственное перевоспитание человека невозможно, если социальная среда, в которой живет человек, остается неизменной. Современное общественное устройство таково, что оно препятствует развитию благородных свойств человеческой природы и поощряет все ее дурные свойства. Не удивительно, что современные люди стоят в нравственном отношении так низко. И, очевидно, никакие воспитательные учреждения не в силах улучшить природу человека, если социальная среда не будет изменена.

Вот таким путем в поисках средств нравственно возвысить человека Оуэн и пришел к мысли о необходимости глубочайшего преобразования основ современной общественной жизни. Новый тип общественного строя, проповедником которого он стал, он называл «новым нравственным миром», указывая этим, что конечные цели этого нового общественного строя заключаются в нравственном преобразовании человека. Современный строй плох потому, что он воспитывает плохого человека; оправданием же проектированной Оуэном великой социальной реформы являлось в глазах ее проповедника связанное с ней нравственное возвышение человека.

Итак, для Оуэна человеческая природа есть нечто в высшей степени пластичное и изменчивое; цель общественного преобразования заключается в изменении человеческой природы, в создании нового человека, более соответствующего нашему нравственному идеалу.

Цели общественной реформы для Фурье прямо противоположны. Фурье не только не считал самым важным общественным делом нравственное преобразование человека, но, с одной стороны, был убежден в неизменности основных свойств человеческой природы, а с другой стороны, был решительным аморалистом. Не человеческий характер должен приспособляться к общественному строю, а общественный строй должен быть приспособлен к неизменным свойствам человеческого характера. Общественное воспитание не имеет никакого смысла, ибо человеческая природа неизменна. Наилучшим общественным строем является не тот, который воспитывает наилучшего человека (как думал Оуэн), а тот, который всего более приспособлен к неизменным свойствам человека. Таким наилучшим строем казалась Фурье придуманная им организация фаланги, преимуществом которой перед всеми другими формами общественного строя являлась в глазах творца фаланги предоставляемая последней полная свобода действию всех страстей и влечений человеческой природы, ибо не существует естественных влечений вредных или безнравственных, а существуют лишь плохие формы общественного строя, делающие некоторые влечения человека вредными для общества.

Итак, Оуэн был моралистом и пришел к социальной реформе как к средству морального воспитания человечества; Фурье же был аморалистом и пришел к социальной реформе как к средству освобождения человечества от власти долга и морали. Их социальные цели по своим конечным завершениям были прямо противоположны, но конкретные планы общественного устройства, предложенные тем и другим, имели при существенных различиях много общего.

Оуэн несомненно обладал, в гораздо большей степени, чем Фурье, тем, что называется здравым смыслом. Уже своей деятельностью в качестве руководителя огромного фабричного предприятия Нью-Ланарка он доказал свои практические таланты. Он сумел достигнуть двух вещей, почти всегда взаимно исключаящих друг друга: блестящего коммерческого успеха, выразившегося в высоких барышах, которые его фабричное предприятие доставляло ему и его компаньонам, и существенного улучшения экономического положения занятых в его предприятии рабочих. Оуэн обладал талантом влиять на людей и подчинять их своей воле, но воля его была направлена не на личные, а на общие интересы.

Однако в то же время Оуэн отнюдь не был сильным мыслителем, и ему менее всего были свойственны в умственной области гениальность, творческий полет воображения. Он был рассудочной натурой, и таким же духом рационализма были проникнуты его планы будущего общественного устройства, вытекавшие из всеми признаваемых бесспорными посылок. Никто не отрицает высокой ценности добродетели. Вместе с тем очевидно, что благородные свойства человеческой природы не могут развиваться, если социальные условия поощряют пороки. Значит, нужно создать такие условия общественной жизни, при которых пороки не могли бы развиваться, а добродетели встречали бы опору в социальной среде.

Корнем всех пороков является, по общему мнению, себялюбие, в свою очередь проявляющееся наиболее резко в области хозяйственных интересов. Поэтому, чтобы создать добродетельного человека, нужно сделать невозможным проявление хозяйственного эгоизма.

А для этого нужно, чтобы исчезла частная собственность, чтобы человек ничего не мог называть своим — только в этом случае для развития хозяйственного эгоизма не будет почвы и хозяйственный эгоизм погаснет сам собой.

Но одного этого мало, нужно, чтобы в общественной жизни исчезли какие бы то ни было поводы к развитию дурных свойств в человеческой природе. Всякое неравенство питает зависть и вражду. Поэтому, кроме уничтожения частной собственности, необходимо уничтожить и неравенство в других областях человеческой жизни — не должно быть правительства, хотя бы и выборного, а значит, не должно быть и государства. Таким логическим путем Оуэн приходит к своим кооперативным, как он их называет, общинам, представляющим крайнее развитие коммунального коммунизма.

Весь ход мыслей Оуэна был очень последователен, и нисколько не удивительно, что отец кооперации твердо верил в разумность своего плана общественного устройства, верил настолько непоколебимо, что одно из своих сочинений он озаглавил «Попытка превратить человеческое общество из дома сумасшедших в разумный мир». Действительно, разве не «домом сумасшедших» должно было представляться рационалисту типа Оуэна современное общество, в котором признаваемые всеми высшие цели общественного союза — выработка благородных свойств человеческого характера — не только не получают осуществления, но и попираются самым грубым образом? И разве общество, понимающее блага морали, не должно стремиться преобразовать строй своей жизни в соответствии с требованиями морали? Если же оно этого не делает, то не нарушает ли оно очевиднейшим образом своих

интересов и не свидетельствует ли этим самым о своем безумии?

Слабая сторона всего этого хода мыслей заключалась, однако, в его рационалистическом основании. Добродетель, кроме порока, имеет еще одного опасного врага — скуку. Человечество может предпочитать добродетельному устройству общества менее совершенное, если последнее веселее и приятнее. Социальный строй, проектируемый Оуэном, несомненно, добродетельнее современного, но будет ли в нем интереснее жить? Если бы удалось убить все побуждения тщеславия и себялюбия, к чему так стремится Оуэн, то для многих возник бы вопрос: стоит ли жить в таком социальном монастыре? В заглавном рисунке на одном из своих изданий Оуэн дал изображение, с одной стороны, современного города, с его смешением красивых и безобразных зданий, при крайнем разнообразии условий жизни населения, и, с другой стороны, стройных, величавых социальных дворцов будущего. Этот рисунок подал повод к ироническим комментариям противников Оуэна, которые справедливо нашли, что в изображениях самого Оуэна безумный мир современности оказался гораздо живописнее и привлекательнее скучного и однообразного разумного мира будущего¹⁰.

Совсем иное Фурье и его фаланги. Если общины Оуэна слишком уж разумны и потому скучны, то фаланги Фурье представляют собой продукт самой смелой, безумной, творческой фантазии. Чего только, каких только чудес нет в этих фалангах! Ведь в фалангах совершенно отсутствует в какой бы то ни было степени долг и все исполняется только во имя непосредственного наслаждения. Фаланги не только не страдают монотонностью и скукой нравственных общин Оуэна, но в них все блестит и сияет радостью и весельем, наполняющими жизнь и отгоняющими всякую мысль о морали. Свобода страстям и смерть долгу — таков девиз фаланги.

В противоположность рационалисту Оуэну Фурье был величайшим фантазером. Своей мечте он доверял безгранично, до такой степени, что самым серьезным образом рассуждал о таких чудесах мира будущего, как превращение морской воды в приятный напиток вроде лимонада, как население морей будущего новыми животными, антикитами, которые с невероятной быстротой будут перевозить по океану счастливых обитателей фаланстеров, как появление в полярных областях великолепных пальм и т.д. и т.д. Фантазии Фурье заходили так далеко, что многие ставят вопрос, не был ли он попросту помешанным. Но кем бы он ни был, он был, во всяком случае, человеком гениальной мысли.

Социальный строй, основанный на полной свободе человеческих страстей, конечно, представляет собой совершенную утопию и никогда не осуществится. Нравственные общины Оуэна гораздо осуществимее, но зато фаланги Фурье привлекательнее и интереснее. Фурье поставил себе несравненно более трудную задачу, чем Оуэн: создать социальный строй, действующий без чувства долга — той социальной узды, которая ныне вводит в пределы разрушительную силу человеческих страстей. И хотя задачи этой Фурье не решил, все же самая ее постановка свидетельствует о поразительной силе его научного воображения.

Как фаланги Фурье являются организациями почти анархическими, также близки к анархизму и коммунистические общины Оуэна. Единственным отличием коммунального

коммунизма от коммунистического анархизма является то, что коммунальный строй не допускает иной хозяйственной единицы, кроме общины определенного устройства, между тем как последовательный анархизм должен допускать и единоличное хозяйство. Таким последовательным коммунистическим анархистом был тот, кого можно считать первым по времени выразителем доктрины анархизма, — Годвин¹¹. Требуя полного отсутствия какого бы то ни было принуждения, Годвин совершенно правильно отрицал необходимость общественной организации труда и потребления. Хозяйственной деятельностью могут быть заняты как группы людей, так и отдельные личности, и точно так же для потребления должна быть сохраняема полная свобода. Общественная организация потребления встречает даже несочувствие Годвина. Точно так же он враг принудительного равенства, которое положено в основу коммунистической общины Оуэна.

В общинах Оуэна не существует частной собственности на что бы то ни было, но имеется общественная собственность — община как целое является собственницей своих средств производства и всех производимых ею продуктов. Анархическое общество, как его понимал Годвин, совершенно порывает с какой бы то ни было частной или общественной собственностью. Каждый производит все, что хочет, и также свободно захватывает в свое владение все, что пожелает. Всякий может свободно взять в свое пользование продукт чужого труда, точно так же как его собственным продуктом может завладеть всякий желающий.

Эта свобода завладения всем нужным не приводит, по представлению Годвина, к всеобщей борьбе, так как Годвин предполагает, с одной стороны, чрезвычайно высокий уровень техники производства, при котором человек может своими единоличными силами создавать в изобилии нужные ему продукты; с другой стороны, Годвин предполагает и нового человека, полного доброжелательства к своим ближним и лишённого хозяйственного эгоизма. Высокая производительность труда дает возможность отдельной личности обходиться без помощи себе подобных, а отсутствие хозяйственного эгоизма приводит к тому, что все охотно делятся своими продуктами друг с другом, как члены одной семьи.

Действительно, только при наличности этих двух условий можно мыслить строй анархического коммунизма, как его рисовал себе Годвин. Не только человек должен стать совсем иным, но и техника производства должна достигнуть такого уровня, чтобы каждый мог без помощи себе подобных создавать все ему нужное. Если же для производства требуется общая работа многих лиц, то необходимо какое-либо общественное регулирование процесса производства, а значит, неизбежна и общественная власть, отрицаемая анархизмом.

Глава II. Социально-экономическая природа кооперации

1. Различие кооператива и социалистической общины

Кооперация возникла в непосредственной связи с социалистическим движением, но было бы очень ошибочно смешивать кооперацию с социализмом. Духовный отец кооперативного движения — Роберт Оуэн — называл кооперативными обществами пропагандируемые им коммунистические общины. Тем не менее первым шагом для понимания сущности кооператива является строгое разграничение последнего и социалистической общины. Социалистические общины хотя и являются хозяйственными организациями, но по своим целям и задачам представляют собой нечто большее, чем эти последние. Общины, возникшие под непосредственным влиянием пропаганды социализма, были задуманы как орудие социального преобразования всего человечества. Членами их были не рядовые люди, в жизни которых хозяйственные интересы господствуют над другими, а искатели новой правды, готовые отказаться от самых очевидных хозяйственных выгод, если это требуется социальным идеалом. Их привлекали в общины не хозяйственная выгода, но соображения совсем иного рода — социальное воодушевление, надежда совершить при помощи этих общин в интересах всего человечества огромное общественное дело. Люди шли в общину по мотивам того же рода, по которым другие шли на политическую борьбу, рассчитывая преобразовать современный общественный строй и привести его в большее соответствие со своим идеалом добра и справедливости.

Социалистические общины были для немногих избранных. Участник коммунистической общины должен совершенно забыть о личном обогащении, должен быть всегда готов отказаться от личной выгоды в пользу своего товарища по общине, должен относиться к последним с таким же бескорыстием и доброжелательством, с каким обычный человек может относиться только к членам своей семьи. Он должен быть чужд зависти и властолюбию, подчинять свои личные вкусы и влечения вкусам и влечениям своих товарищей по общине и т.д.

Фаланги Фурье еще глубже отличаются от современного общества, чем коммунистические общины Оуэна. Ведь фаланга построена на принципе полной свободы страстей и отсутствии

какого бы то ни было элемента принуждения, хотя бы морального. В фаланге свобода страстей приводит к общей гармонии и счастью. Но разве не утопична сама идея создать общество, могущее жить без узды нравственного долга? Каким образом можно достигнуть того, чтобы, с одной стороны, каждый исполнял работу только по внутреннему влечению, в силу ее внутренней привлекательности для данного лица, с другой же стороны, чтобы продукты изготовлялись именно те, в которых нуждается данная община? Ведь привлекательность известного труда не находится ни в каком соответствии со степенью необходимости продукта данного труда для населения. Если при выборе занятий каждый будет следовать своим влечениям, то это неизбежно должно привести к тому, что продукты одного рода будут производиться в избытке, других же будет произведено слишком мало и общество утратит хозяйственную основу своего существования. Свобода следовать при выборе хозяйственного труда своим влечениям равносильна уничтожению общественного хозяйства, предполагающего распределение хозяйственного труда между различными лицами в соответствии не со степенью привлекательности того или иного труда, но с размером общественной потребности в соответствующем продукте.

Если коммунистические общины получили до настоящего времени крайне ограниченное распространение, то общин типа фаланги не существовало и существовать не могло, ибо устройство их заключает в себе внутреннюю невозможность.

Правда, в Америке было немало организаций, именовавших себя фалангами, но по своему внутреннему строю организации эти были близки к общинам Оуэна. Фурьеристская фаланга была для этих общин идеалом, но идеалом недостижимым. Они называли себя фалангами потому, что участники их, выходявшие преимущественно из числа людей интеллигентных профессий, нисколько не сочувствовали идеалу коммунистического равенства, который проповедовал Оуэн. Однако в своем практическом осуществлении общины американских фурьеристов были гораздо ближе к коммунистическим общинам Оуэна, которые трудно осуществимы, но все же осуществимы, чем к совершенно неосуществимым свободным фалангам Фурье.

Ни одной фаланги чистого типа никогда не было на свете. Фаланги Фурье не более как бесплотное создание гениальной фантазии их творца, мечта поэта, которая может манить за собой людей, но никогда не станет грубой реальностью.

Если мы обратимся к социалистическим общинам, не связанным с социалистической пропагандой, — то и тут мы увидим, что организации эти возникли не на основе хозяйственных интересов их членов. Наличие необычных по своей силе морально-религиозных интересов так же характерна для таких общин, как общественный энтузиазм для общин, устраивавшихся социалистами. А так как сильное развитие религиозно-нравственных интересов встречается среди современного человечества очень редко, то понятно, что и религиозно-нравственные социалистические общины не получили сколько-нибудь значительного распространения в современном обществе*.

О социалистических общинах см. мою книгу «В поисках нового мира» (2-е изд. М., 1918).

2. Кооператив как хозяйственное предприятие

Напротив, кооператив есть хозяйственное предприятие, как и всякое другое. Кооператив обращается прежде всего к хозяйственному интересу человека, и в этом существенное сходство кооператива со всеми другими хозяйственными организациями капиталистической системы. В этом же и его огромная сила.

По внешним признакам кооператив столь мало отличается от обычного капиталистического предприятия, что по ним невозможно определить, имеется ли перед нами кооператив или капиталистическое товарищество. Вот почему так трудно дать вполне удовлетворительное определение кооператива для целей законодательства, которое неизбежно должно исходить именно из этих внешних признаков. Возьмем, например, наиболее разработанное германское законодательство о кооперативах. Германский закон 1 мая 1889 г. определяет кооперативное товарищество как «общество с незамкнутым числом членов, имеющее своей целью содействовать путем общего предприятия хозяйству или промыслу своих членов». Наиболее определенным является первый признак (незамкнутость членов), долженствующий, по смыслу закона, проводить разграничительную линию между кооперативом и обычным торговым товариществом*.

В русском кооперативном законе кооператив определяется, как «товарищество с переменным составом и капиталом, которое, действуя под особой фирмой, имеет целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов, посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов». Это — многословный пересказ германского определения.

Затруднительность по чисто внешним юридическим признакам разграничить кооператив и капиталистическое товарищество видна также и из того, что нередко кооперативы возникают как акционерные компании или торговые товарищества иного рода. Возьмем, например, столь интересные во многих отношениях английские производительные товарищества, основанные на принципе так называемого «копартнершипа». Некоторые из этих товариществ, а именно те из них, в которых владельцами акций являются только рабочие, занятые в данном предприятии, несомненно, являются кооперативами производительного типа. Однако юридически все они просто акционерные компании, как и всякие другие.

Но помимо юридической формы, и внутренняя экономическая природа кооператива имеет много общего с капиталистическим предприятием. Прежде всего по отношению ко всем стоящим вне его кооператив ничем не отличается от всякого другого предприятия и столь же строго стоит на почве своих сепаратных интересов. Продавая свои товары посторонним, кооператив так же стремится продать их по наивысшей цене и на наиболее выгодных для себя условиях, как и любой капиталистический картель. Напротив, покупая товары, кооператив стремится купить их возможно дешевле. Вообще, поскольку дело идет о других предприятиях, кооператив проникнут тем же духом защиты своих частных интересов,

который царит в современном обществе.

И это является необходимым условием успеха кооператива. Кооперативное предприятие — не благотворительное учреждение, не общество пропаганды, не политическая организация и не рабочий союз. Оно является хозяйственной организацией в интересах определенной группы лиц и, чтобы иметь успех, должно вестись так же деловито, на основе строгого коммерческого расчета, как и капиталистические предприятия.

И это относится ко всем кооперативам, какие бы общественные группы ни были их хозяевами. «Даже самое передовое из современных рабочих потребительских обществ, — справедливо говорит Гере в своей превосходной книге «Die deutschen Arbeiter Konsumvereine»¹², — есть дитя частнокапиталистического хозяйственного строя. Вся техника капиталистического предприятия должна быть усвоена кооперативом. Такой же строгий учет всех элементов прихода и расхода, такая же (с небольшими различиями) бухгалтерия, такие же внешние приемы контроля служащих и рабочих, такое же устройство торговых помещений и товарных складов, такие же приемы изготовления товаров, их упаковки, экспедиции и т.д. и т.д.

В денежном капитале кооперативы нуждаются не менее, чем все остальные предприятия, и капитал получается ими не даром, но за уплату соответствующего процента. Поскольку кооператив сталкивается с денежным капиталом, он усваивает себе всю технику современной крупнокапиталистической системы. Центральные организации кооперативов нуждаются в банковских операциях и ведут их совершенно так же, как капиталистические банки, в тех же формах, которые являются обычными в крупных банках. Такой же прием оплачиваемых обычным процентом вкладов, такие же текущие счета, контокоррент и пр.

Вообще, если мы возьмем даже пролетарские потребительские общества, то, как замечает Гере, «куда мы ни взглянем, везде мы увидим между ними и частнокапиталистическими предприятиями параллели, черты сходства и внутреннего родства. Потребительские общества, даже наиболее прогрессивные, кажутся с этой точки зрения чисто капиталистическими организациями, стремящимися ни к чему иному, как к крупной организации розничной торговли, совершенно так же, как крупные торговые дома, с той только разницей, что последние достигают своей цели организацией товарного рынка, а потребительские общества — организацией потребителей. Словом, и современное рабочее потребительское общество, даже находящееся в связи с другим и образующее с ними одно органическое целое, имеет вполне частнокапиталистический облик».

В особенности ярко выступает сходство кооператива с капиталистическим предприятием в отношении кооперативов к своему рабочему персоналу. Огромное большинство кооперативов пользуется наемным трудом несколько не менее капиталистических предприятий. У них такие же директора, кассиры, приказчики, бухгалтеры, высшие и низшие служащие, квалифицированные и неквалифицированные рабочие, как и в предприятиях обычного типа. Все эти служащие получают обычную заработную плату, и условия их труда в отношении продолжительности рабочего дня, сроков уплаты, рабочих помещений и пр. существенно не отличаются от господствующих в лучших капиталистических предприятиях.

Словом, и снаружи и изнутри кооператив кажется капиталистическим предприятием. Он выступает во всеоружии капиталистической техники, стоит на капиталистической почве, и в этом его принципиальное отличие от социалистических общин, которые стремились создать хозяйственную организацию на совершенно новой хозяйственной основе.

Кооператив — не социалистическая община, а хозяйственное предприятие.

3. Различие кооператива и капиталистического предприятия

Итак, кооператив — предприятие. Но предприятие не капиталистического типа. Как ни был близок кооператив по своему внешнему облику к капиталистическим предприятиям, под этой капиталистической оболочкой скрывается в кооперативе содержание совершенно иное. Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом. Чем же отличается кооператив от капиталистического предприятия?

Прежде всего нужно помнить, что далеко не всякое предприятие есть предприятие капиталистическое. Предприятием нужно называть всякую хозяйственную организацию, преследующую частнохозяйственные выгоды своих членов и достигающую этих выгод при посредстве обмена. Первым признаком (частнохозяйственный интерес) предприятие отличается от организаций с общественными целями (так, например, благотворительный приют или социалистическая община не суть предприятия); вторым признаком (обмен) предприятие вводится в систему современного менового хозяйства — первобытный охотник не имел предприятия. Но, например, современный ремесленник или крестьянин имеют предприятия, хотя и предприятия трудового, а не капиталистического типа.

Чем же характеризуется капиталистическое предприятие и как отличить его от предприятий некапиталистических? Обычно думают, что характерным признаком капиталистических предприятий является пользование наемным трудом. Это, однако, безусловно неверно. С одной стороны, существуют капиталистические предприятия, совсем не пользующиеся наемным трудом и пользующиеся им в относительно ничтожных размерах, с другой же стороны, имеются предприятия некапиталистические, основанные на наемном труде.

Лучшим примером предприятий первого рода является предприятие ростовщика. Что оно имеет капиталистический характер, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Но ведь ростовщик может вести свое предприятие без всякого наемного труда. На это можно, пожалуй, возразить, что ростовщический капитал не характерен для современной хозяйственной системы. Возьмем, однако, обычный банк. Можно ли утверждать, что прибыли банка основываются на эксплуатации труда занятого в нем рабочего персонала? Высший персонал банка (директора, члены правления), от которого действительно очень существенно зависит доходность банка, получает обычно столь высокое вознаграждение, что об эксплуатации банком этого рода служащих нельзя говорить серьезно. Остаются

низшие служащие и чернорабочие. Неужели же можно думать, что десятки миллионов прибыли какого-нибудь банка создаются трудом писцов, швейцаров, дворников, рассыльных и тому подобных служащих?

Источником прибыли банка является, очевидно, не труд этих лиц, а денежный капитал, которым банк располагает. Конечно, в конце концов прибыль банка извлекается из эксплуатации труда, но труда не тех лиц, которые непосредственно заняты в банке, а рабочих, занятых в предприятиях клиентов банка. Банк, владея необходимым для фабриканта денежным капиталом, имеет возможным принудить этого последнего уступить ему долю прибавочного продукта, создаваемого фабричными рабочими. Именно так, а не иначе рассматривает образование прибыли денежного капитала и Маркс.

Но если так, то, очевидно, банк является капиталистическим предприятием не потому, что он имеет наемный рабочий персонал, а потому, что, располагая денежными средствами, банк может присваивать долю прибавочного общественного продукта, создаваемого за пределами банка. Иными словами, прибыль банка по своему происхождению совершенно аналогична прибыли ростовщика и основывается на эксплуатации рабочих, занятых не в банке, а в предприятиях клиентов банка; и если бы банк совершенно не имел наемных служащих, он оставался бы капиталистическим предприятием, подобно предприятию ростовщика.

Но банки являются венцом капиталистической системы, и для новейшей эволюции капитализма в высшей степени характерно все большее и большее значение, приобретаемое банками. Мало-помалу банки становятся центральной руководящей силой современного капитализма, и к ним переходит управление промышленным и торговым капиталом. Владея акциями фабрик и заводов, банки являются господами промышленности. Итак, денежный капитал есть капитал по преимуществу — крупнейшая сила капиталистической системы. И если, как сказано, для предприятий денежного капитала характерно ничтожное значение занятого в этих предприятиях рабочего персонала, то, очевидно, пользование наемным трудом не может считаться отличительным признаком капиталистического предприятия.

С другой стороны, наемный труд может иметь применение в хозяйственных организациях, не имеющих ничего общего с капиталистической системой. Предположим, например, социалистическое государство. Средства производства принадлежали бы в этом случае государству, которое являлось бы собственником продукта и руководителем всего общественного процесса производства. Рабочие, занятые в государственных мастерских, получали бы за свой труд определенную плату, подобно тому как и рабочие в современных капиталистических предприятиях. Конечно, рабочие в социалистическом государстве не могут быть приравнены по своему положению к современным рабочим. Однако кое-что общее в положении тех и других должно остаться, именно то, что в социалистическом государстве отдельные рабочие не были бы собственниками изготовляемого ими продукта, равно как и средств производства, но получали бы от хозяина средств производства (в данном случае государства) определенную плату за свой труд.

Итак, в социалистическом обществе рабочие получали бы плату за свой труд, и, следовательно, положение их имело бы некоторые черты принципиального сходства с положением современных наемных рабочих.

Но, оставляя в стороне рабочих социалистического государства, в кооперативах мы имеем многочисленные примеры предприятий хотя и некапиталистических, но пользующихся несколько не менее капиталистическим наемным трудом. На фабрике потребительского общества работают такие же наемные рабочие, как и на обычной капиталистической фабрике. Тем не менее кооперативы суть предприятия существенно иного типа, чем капиталистические. Правда, многие теоретики кооперации дают такие определения кооператива, исходя из которых и заведомо капиталистические предприятия следует признать кооперативами: но это говорит только против таких определений, а отнюдь не в пользу тождественности самих определяемых явлений.

Определить что-либо — значит всегда и разделить. Если не проводить различия между предприятиями капиталистическими и кооперативами и называть кооперативами различные капиталистические предприятия, то придется создать новый термин, чтобы из числа капиталистических предприятий выделить те, которые теперь называются кооперативами. По своей форме кооператив может быть неотличим от капиталистического предприятия, и все же внутренняя социально-экономическая природа того и другого столь различна, что в реальной жизни капиталистические предприятия и кооперативы никогда не смешиваются в один общий поток, но всегда живут совершенно особой жизнью.

Капиталистический картель, организующий сбыт, нередко принимает форму, чрезвычайно схожую с кооперативом по сбыту.

Однако и картель, и кооператив представляют собой совершенно различные социально-экономические образования, защищают интересы совершенно различных общественных групп, играют совершенно различную роль в общественной жизни современности. Называть кооперативные предприятия капиталистическими — это значит отказываться от анализа особенностей кооперативных предприятий. Дело тут не в словах, а в самих явлениях, своеобразии которых должно быть признано независимо от того, как бы эти явления ни назывались.

Итак, независимо от вопросов терминологии ясно, что наряду с капиталистическими предприятиями существует обширная группа кооперативных предприятий, которые пользуются наемным трудом, подобно капиталистическим предприятиям, но существенно отличаются по своей природе от последних.

Чем же характеризуется капиталистическое предприятие? У Маркса имеется краткая формула, которая дает все существенное для понимания сущности капитализма. Капитал, говорит Маркс, — это ценность, создающая прибавочную ценность.

Формула эта включает в себе глубокий смысл. При известных социально-экономических условиях продукт человеческого труда получает в хозяйственной жизни способность возрастать в своей ценности. В наиболее наглядной форме эта способность выступает в

денежном капитале. Владелец денежного капитала пускает в оборот определенную денежную сумму — дает ее в ссуду другому лицу. Проходит некоторое время, и сумма эта возвращается к своему первоначальному владельцу не в прежнем, а возросшем размере. Деньги создали новые деньги — процент или прибыль.

Если мы возьмем другие формы капитала — торговый или промышленный капитал, то и тут мы увидим то же. Торговец пустил в оборот определенное количество товаров, и через некоторое время, если его обороты были удачны, его товарный капитал оказывается возросшим в своей ценности. Точно также и промышленник получает через известное время весь свой затраченный капитал с известным приростом ценности.

В этом приросте ценности, образующем собой прибыли капиталиста, заключается весь экономический смысл данного процесса с точки зрения его руководителя. Капиталист пускает в оборот капитал только с этой целью. Правда, для общества значение данного процесса далеко не исчерпывается его последствиями, для кармана капиталиста. Процесс оборота капитала есть вместе с тем процесс общественного производства и обмена. Вся жизнь общества, не только капиталистических классов, но и рабочих, связана с кругооборотом капитала, и стоит только этому кругообороту задержаться, чтобы нарушилось равновесие между общественным производством и потреблением. Но как бы ни был важен для общества названный процесс, руководителями его являются капиталисты, не имеющие другой цели приводить в действие этот процесс, кроме прироста ценности капитала, прибыли.

Социальной основой возникновения прибыли является присвоение капиталистом труда рабочего; но это социальное отношение скрывается в капиталистическом хозяйстве под маской отношения вещей. Деньги, товары, средства производства — все это вещи, и прибыль, получаемая капиталистом, рассматривается им с полным основанием как продукт этих вещей. Вещная маска скрывает в капитале его социальное содержание.

В этом и заключается характерная черта капиталистического предприятия в отличие от всякого другого. Капиталистическое предприятие есть, следовательно, такое, движущей силой которого является стремление к прибыли — нетрудовому доходу, возникающему благодаря круговращению капитала. Доход этот имеет своим источником эксплуатацию труда, но отнюдь не всегда того труда, который занят в данном капиталистическом предприятии: источником прибыли может быть и труд в других предприятиях, эксплуатируемых данным предприятием.

Капиталистическое предприятие существует ради прибыли; поэтому капиталистическое предприятие естественно стремится к неограниченному расширению своих оборотов, ибо чем больше обороты, тем больше и получаемая прибыль. Стремление к большему и большему расширению есть характерная черта капитала.

Сравним с капиталистическим предприятием кооперативное. Какую бы форму не имело последнее, какие бы цели оно ни преследовало, оно никогда не преследует цели получения капиталистической прибыли.

Правда, кооперативное предприятие нуждается в капитале нисколько не менее всякого другого. Нуждаясь в капитале, оно принуждено и оплачивать этот капитал соответствующим процентом. Но оплата капитала для кооперативного предприятия отнюдь не есть цель, а лишь средство для достижения иных целей. Оплата капитала для кооператива есть неизбежное зло, расход, от которого нельзя уклониться, но который кооператив стремится свести к минимуму. И это характерно для всех без исключения форм кооперативов. Именно по этому признаку можно безошибочно определить, имеем ли мы перед собой кооператив или предприятие капиталистического типа.

Возьмем, например, потребительское общество. Оно имеет паевой капитал, на который начисляется процент. Но потребительское общество существует отнюдь не для того, чтобы доставлять своим пайщикам наивысший доход на их пай; наоборот, потребительское общество назначает по возможности низкий процент на пай, а всю свою чистую выручку распределяет между заборщиками товара, потребителями. Значит, оно существует не в интересах капитала, а в интересах потребителей.

Именно поэтому потребительское общество и является кооперативом. Конечно, для организации потребителей открыта возможность распределять свою выручку и иным образом, например между своими пайщиками пропорционально внесенному каждым паю. И действительно, существуют общества потребителей различного рода: одни распределяют выручку между пайщиками пропорционально паям, а другие — между всеми своими покупателями пропорционально закупкам каждого. Так, например, лондонские чиновничьи общества потребителей распределяют свои доходы между пайщиками, а рабочие потребительские общества так называемого «рочдельского» типа — между покупателями пропорционально закупкам. И те и другие общества именуют себя кооперативными.

Однако деятели английского кооперативного движения не признают чиновничьи общества потребителей кооперативами, так глубоко различия во всех основных чертах устройства обществ рочдельского и чиновничьего типов. В то время как рочдельские общества образуют мощные союзы, входят в состав обществ оптовых закупок, охватывающих всю страну, чиновничьи общества потребителей держат себя особняком и никакого общения с рочдельскими обществами не имеют. Как бы ни называть чиновничьи общества, кооперативами или нет (сами себя они, как сказано, называют кооперативами), несомненно, что рочдельские и чиновничьи организации по всем своим целям и условиям развития существенно различной социально-экономической природы. Именно потому английские кооператоры и настаивают, что если называть рочдельские общества кооперативами, то в этом названии следует отказывать чиновничьим обществам, дабы не присваивать одного общего имени социальным образованиям существенно различной природы.

Чем же принципиально отличаются потребительские общества рочдельского и чиновничьего типов? Да тем, что они преследуют совершенно различные цели. Рочдельские общества существуют в интересах потребителей: конечно, они не могут обойтись без капитала и должны вознаграждать капитал, но служат они интересам не капитала, а потребителей; это явствует из распределения чистой выручки этих обществ, возвращаемой потребителям, а не достающейся владельцам паевого капитала. Напротив, чиновничьи общества служат лишь отчасти интересам потребителей, более же интересам своих

пайщиков, ибо доход этих обществ распределяется между пайщиками как обычный дивиденд акционерных обществ. И потому, хотя эти общества и называют себя кооперативами, по своей экономической природе они ближе к капиталистическим компаниям, чем к истинным кооперативам. Если это и кооператив, то промежуточного типа между действительным кооперативом и капиталистическим товариществом.

Перейдем от потребительских обществ к кооперативам других типов. Возьмем, например, кооперативы по сбыту, хотя бы маслодельную артель. Чистая выручка за проданное масло распределяется в маслодельной артели между ее членами пропорционально количеству поставленного молока. Какой смысл имеет такое распределение выручки? Почему выручка распределяется не пропорционально паевому капиталу, а пропорционально молоку? Ведь в стоимость производства масла входит не только молоко, но и многое другое. Казалось бы, всего рациональнее было бы распределять выручку пропорционально доле каждого в расходах по производству масла, т.е. пропорционально внесенному капиталу, включая сюда и ценность поставленного каждым молока.

Однако маслодельная артель, как неизменное правило, распределяет чистую выручку не по паевому капиталу, а по поставленному молоку. Очевидно, для такого распределения выручки существуют серьезные основания. Паевой капитал в маслодельной артели получает свою долю, но артель стремится свести доход паевого капитала к минимуму, совершенно так же, как и потребительское общество. Оно оплачивает паевой капитал определенным процентом по возможности менее высоким, а всю частную выручку предприятия передает поставщикам молока. Именно поэтому маслодельная артель и является кооперативом; при другом же распределении выручки маслодельная артель превратилась бы в капиталистическое товарищество.

Итак, и маслодельная артель несколько не менее потребительского общества стремится свести к минимуму вознаграждение капитала: она существует в интересах не капиталистов, а производителей молока. Этим и объясняется распределение выручки по количеству поставленного молока.

Кредитный кооператив чистого типа (райффайзенское кредитное товарищество) совсем не имеет паевого капитала или имеет его в ничтожных размерах. Он оплачивает процентом вклады, но существует в интересах не вкладчиков, которые никакого участия в управлении товариществом не принимают, а исключительно в интересах заемщиков, интересы которых требуют возможного понижения процента на капитал. Таким образом, в кредитном кооперативе некапиталистический характер предприятия выступает с полной очевидностью.

Наконец, если мы возьмем производительную артель, то весь смысл ее заключается в стремлении устранить хозяина-капиталиста путем передачи ведения всего дела самим рабочим. Место пред-принимателя-капиталиста занимают сами рабочие, удерживающие в своих руках тот прибавочный продукт, который ранее захватывался предпринимателем. Этот прибавочный продукт, который в руках предпринимателя был прибылью, оставаясь в руках создавших его рабочих, становится трудовым доходом.

Итак, к какому бы виду кооператива мы ни обратились, везде, без всякого исключения, мы встречаем следующую характерную черту: кооператив в противоположность капиталистическому предприятию не только не стремится к получению наибольшей прибыли на вложенный капитал, но стремится к обратному — возможному уменьшению капиталистической прибыли. Капитал всегда рассматривается кооперативом как некоторая враждебная сила, без помощи которой обойтись невозможно и которую необходимо поэтому оплачивать, но оплачивать возможно более низко.

Можно, пожалуй, на это возразить, что и в капиталистическом предприятии предприниматель-капиталист хотел бы оплатить возможно ниже тот капитал, который он получает со стороны, путем кредита. Однако предприниматель-капиталист стремится получить возможно более высокую прибыль на свой собственный капитал, вложенный в дело. Кооператив же относится к своему капиталу совершенно так же, как и к чужому капиталу: кооператив по возможности ограничивает плату не только за тот капитал, который он получает от посторонних путем кредита, но и за капитал, который вложен в дело самими хозяевами кооператива, пайщиками. Иными словами, кооператив относится к своему собственному капиталу как к чему-то постороннему, чуждому, совершенно так же как капиталист-предприниматель относится к чужому, не своему капиталу. Возьмем, например, акционерную компанию: она может располагать капиталом двоякого рода — собственным, акционерным, и чужим, облигационным. Процент за облигационный капитал акционерная компания, естественно, стремится свести к минимуму, но лишь для того, чтобы тем более повысить дивиденд на акционерный капитал. Потребительское общество также имеет свой капитал — вложенные в общество его членами паи. Этот пайщицкий капитал соответствует акционерному капиталу в акционерной компании. Но потребительское общество не только не стремится довести до максимума доходность этого капитала и, наоборот, старается ограничить этот доход возможно более низким процентом: оно относится к своему капиталу так, как капиталист относится к капиталу чужому. Этим и обнаруживается с полной очевидностью некапиталистическая природа кооператива.

4. Характер дохода кооперативных предприятий

Вопрос о природе доходов кооперативов представляет не только теоретический интерес, но имеет также и большое практическое значение в связи с вопросом об обложении налогами кооперативных предприятий. Английское законодательство проводит резкое различие в этом отношении между потребительскими обществами и капиталистическими торговыми предприятиями. Напротив, в Германии налоги на потребительские общества являются одним из средств борьбы государственной власти с этими экономическими организациями. Точно так же и у нас, в России, вопрос об обложении кооперативных предприятий до сих пор не получил вполне определенного решения. Потребительские общества подлежат у нас торговому обложению, если их паевой капитал превышает 10 тыс. руб.

В этих колебаниях государственной власти в ее отношении к кооперативам как к предметам обложения сказывается в числе прочего также и неясность кооперативной теории. Что такое кооператив? Если кооператив принципиально не отличается от капиталистического предприятия, а представляет собой лишь своеобразную форму такового, если доход кооперативного предприятия не что иное, как прибыль, подобно доходу других капиталистических предприятий, то принципиально трудно возражать против того, чтобы государство подчиняло кооперативы тем же налогам, которым подчиняются капиталистические предприятия вообще.

Доход потребительских обществ кажется всего более сходным с капиталистической прибылью. В то же время потребительские общества, как общества пролетарского типа, встречают наиболее враждебное отношение со стороны многих слоев современного общества, а также во многих странах и государственной власти; подчинение их обычному промысловому обложению является вполне действительным тормозом их развития и роста. Отсюда громадная практическая важность для кооперативного мира доказать некапиталистическую природу доходов потребительских обществ.

Развиваемая при этом аргументация имеет обычно следующий характер. Величина дохода потребительского общества может быть больше или меньше, в зависимости от того, как высоки цены, по которым потребительское общество продает продукты своим членам. Если бы общество продавало продукты по себестоимости (чего обычно нет, но что возможно и в отдельных случаях имеет место), то общество не имело бы никакого денежного дохода и в этом случае, очевидно, не получало бы никакой прибыли. Однако оно не потеряло бы внутреннего смысла своего существования, так как члены его получали бы и в этом случае определенную выгоду, которая сводилась бы к приобретению необходимых предметов потребления по низшей цене. Отсюда следует, что потребительское общество мыслимо без всякого денежного дохода и, значит, без всякой прибыли. Если же мы возьмем обычное потребительское общество рочдельского типа, которое продает продукты своим членам по рыночной цене, то в этом случае общество действительно имеет в конце года определенный денежный доход. Но этот денежный доход является не прибылью, а накопленными суммированными сбережениями членов, которые в первом случае получались бы ими по частям при каждой отдельной покупке.

Такова обычная аргументация, выдвигаемая кооператорами, когда им нужно обосновать свое требование об освобождении потребительских обществ от торгово-промышленного обложения. В полной убедительности этой аргументации позволительно усомниться.

Действительно, недостаточность приведенной выше аргументации очевидна. Чем является по своей природе доход потребительских обществ? Возьмем следующий пример. Перед нами две фабрики: одна принадлежит акционерной компании, другая — потребительскому обществу и работает только на нужды потребительского общества при помощи наемного труда. В капиталистической природе дохода первой фабрики не может быть ни малейшего сомнения. Доход акционеров (хотя бы этими акционерами были рабочие, как это иногда имеет место в английских фабриках) является капиталистической прибылью. На каком же основании мы не признаем прибылью доход, доставляемый потребительскому обществу его фабрикой, на которой рабочие точно так же работают по найму, как и на всякой другой

фабрике. Если доход фабрики потребительского общества не есть прибыль, то к какой категории общественного дохода мы должны его отнести?

Экономическая наука различает в капиталистическом обществе три основных категории общественного дохода: земельную ренту, прибыль и заработную плату. Очевидно, что доход рассматриваемой фабрики не есть земельная рента; точно так же ясно, что этот доход не представляет собой и заработной платы членов потребительского общества, ибо потребительское общество является хозяином фабрики, работа на которой производится наемным трудом. Значит, доход этот должен быть признан прибылью. Другого выхода, по-видимому, нет.

Но если согласиться с этим, то нельзя останавливаться на полдороге и необходимо идти дальше. Если доход потребительского общества с его фабрики является прибылью, то каким образом можно отрицать капиталистическую природу всех остальных доходов потребительского общества? Разве существует принципиальное различие между различными элементами этого дохода? Часть своего капитала общество затрачивает на устройство фабрики; другая часть идет на приобретение товаров, устройство торгового помещения, складов и т. д. Мы называем торговой прибылью доход торговца, получаемый им благодаря закупке товара по низшей цене сравнительно с рыночной, по которой торговец продает эти товары своим покупателям. Разве не такой же природы доход потребительского общества? Если доход потребительского общества с его фабрики мы признали прибылью, то мы не можем иначе рассматривать доход общества с его торгового предприятия.

Можно опять применить ту же аргументацию и спросить, что же такое, если не прибыль, торговый доход потребительского общества, и по методу исключения (это, несомненно, не земельная рента и не заработная плата) прийти к выводу, что весь доход потребительского общества есть несомненная прибыль. Потребительское общество борется с капиталом его собственным оружием. Оно ставит себе целью присвоить прибыль капиталиста-предпринимателя, будет ли это торговый посредник или промышленный предприниматель, все равно. Но прибыль остается прибылью, в чьих бы руках она ни оставалась. Конкурируя с капиталистом, потребительское общество, даже если все члены его являются пролетариями, само делается капиталистом, и значит, и его доход не может не иметь капиталистической природы.

В пользу такого понимания природы потребительского общества и получаемого им дохода, можно, по-видимому, привести очень многое. Не подлежит ни малейшему сомнению, что в пределах потребительского общества между им самим и его служащими и рабочими существует известная рознь интересов, принципиально не отличающаяся от розни интересов труда и капитала вообще. Разве потребительские общества не эксплуатируют своих рабочих? И разве рабочему не все равно, кто его эксплуатирует, обычный ли капиталист или общественная организация в лице потребительского общества, если степень эксплуатации в том и другом случае одинакова?

Таким образом, доход потребительского общества следует, по-видимому, признать просто предпринимательской прибылью, а само общество — одним из видов капиталистических

предприятий. Однако и это, казалось бы, такое естественное решение вопроса наталкивается на непреодолимые трудности.

Дело в том, что прибыль всякого капиталистического предприятия есть нечто, вполне определенное и объективно существующее. Можно спорить о наилучших приемах учета капиталистической прибыли, но все эти приемы исходят из представления о прибыли, как о чем-то, допускающем количественное измерение. Но что такое по своим количественным размерам доход потребительского общества? Если этот доход есть не что иное, как прибыль, то как она велика в каждом данном случае? Совершенно ясно и не подлежит ни малейшему спору, что прибыль эта отнюдь не определяется размером того денежного остатка, который в конце каждого года распределяется между членами потребительского общества. Ведь если бы мы предположили, что общество не имеет никакого денежного остатка, подлежащего распределению, благодаря продаже обществом его продуктов по себестоимости, то выгоды, получаемые членами общества от данной хозяйственной организации, отнюдь не исчезли бы и даже могли бы не уменьшиться по своим размерам, а только распределились бы иначе во времени: вместо того чтобы получать раз в год свои суммированные выгоды, каждый член общества получал бы их по частям, при каждой своей отдельной покупке. Точно так же если бы общество повысило продажные цены и этим повысило свой доход, то реальные выгоды членов общества отнюдь не испытали бы увеличения, так как увеличению суммы, получаемой каждым членом в конце года, соответствовало бы и увеличение расходов каждого члена в течение года. Таким образом, размер «прибыли» потребительского общества не может быть определен по денежному остатку, распределяемому между членами общества.

Но каким же другим способом может быть определена эта прибыль? Единственным рациональным способом этого определения мог бы быть только следующий: нужно установить, по каким ценам члены потребительского общества приобретали бы продукты данного качества, если бы этого общества не существовало. Затем нужно определить, во что обходятся те же продукты при приобретении их от потребительского общества (принимая, конечно, в соображение и денежные суммы, распределяемые обществом между его членами). Разница между первой и последней ценами и определяет экономическую выгоду членов общества от существования последнего.

Дело, однако, в том, что если последняя цена и допускает точный учет, то первая совершенно неопределима. Действительно, как установить цену, по которой член общества приобретал бы продукт при отсутствии общества? Если общество только что возникает, то к решению этой задачи еще можно подойти с той или другой стороны. Но возьмем район, где потребительские общества существуют издавна и имеют большое развитие, — какой-нибудь Цюрих или Глазго. Не нелепа ли в данном случае сама постановка вопроса: каковы были бы цены в розничной торговле этих продуктов, если бы в них не существовало потребительских обществ? Ответить на подобный вопрос почти так же невозможно, как ответить на вопрос, каковы были бы цены в этих городах при отсутствии в них капиталистической розничной торговли, ибо и капиталистическая торговля, и общества потребителей суть неустранимые и основные факторы строения цен в этих пунктах.

Итак, никаких определенных данных для измерения размеров «прибыли» потребительских обществ мы не имеем. Очевидно, если это и прибыль, то прибыль крайне своеобразная, глубоко отличающаяся по своей экономической природе от прибыли капиталистических предприятий. Лучше сказать, это совсем не прибыль, ибо прибыль неопределенная и не допускающая количественного учета не есть то, что называют капиталистической прибылью.

Но что же такое доход потребительских обществ, если не прибыль? Мы опять вернулись к своему исходному вопросу, приобретаемому решительно загадочный характер.

Чтобы подойти к его решению, вспомним об основном делении бюджета каждого хозяйства — приход и расход. Хозяйственная деятельность всегда направлена к получению наибольших выгод. Но выгоды эти могут иметь двойственный характер: они могут заключаться или в увеличении прихода, или в уменьшении расхода. Выгоды первого рода по своей природе всегда допускают точное определение; выгоды второго рода нередко по самому существу такому определению недоступны.

Возьмем конкретный пример. Сельский хозяин желает увеличить удои своих коров и с этой целью изменяет характер даваемого им корма. Полученные им с этого выгоды могут быть легко учтены по увеличению количества молока, доставляемого каждой коровой. Это вновь полученное молоко соответственно увеличит доход данного хозяйства.

Но пусть тот же сельский хозяин, чтобы уменьшить опасность заболевания своих коров, прививает им сибирскую язву. Такой образ действий хозяина, если опасность заболевания сибирской язвой велика (например, если болезнь появилась в соседнем стаде), несомненно, вполне рационален и выгоден для хозяйства. Но определить размер полученной выгоды совершенно невозможно, ибо невозможно знать, заболел бы данный скот определенной болезнью или нет, если бы прививок не последовало.

В первом случае полученная выгода имеет определенный характер, ибо это есть новая ценность, поступившая в приход данного хозяйства. Во втором случае никакой новой ценности от данной хозяйственной операции не получилось, ибо операция эта имела в виду лишь предотвратить возможный убыток.

Возможный убыток есть по самой своей природе нечто неопределенное, как и все лишь возможное, но реально неосуществившееся; полученный же прирост ценности имеет вполне реальный характер и допускает точное измерение.

Рациональное хозяйство должно принимать меры в двояком направлении: как к увеличению своего реального прихода, так и к уменьшению своего реального расхода, причем в последнем случае могут иметься в виду не только возможные, ожидаемые, но и реально еще не наступившие опасности. Такой характер имеют все операции страхования и многое другое.

Теперь мы можем понять природу выгод, доставляемых потребительским обществом его членам. Эти выгоды заключаются не в увеличении дохода последних, а в уменьшении их расходов. Потребительское общество не дает своим членам нового дохода, но оно

сокращает их расходы, и в этом его польза.

Насколько именно сокращает общество эти расходы, сказать невозможно, так как в данном случае приходится учитывать не реально существующие экономические факторы, а исходить из предположения возможного, но реально не существующего экономического положения.

Итак, трудность или, точнее, невозможность определить экономическую природу дохода потребительских обществ зависела от того, что суммы, распределяемые потребительским обществом между его членами, вообще не являются в экономическом смысле доходом. Он суть лишь сбереженная членами общества часть расходов последних.

В данном случае дело идет вовсе не о тонкостях экономической терминологии, а о реальных экономических различиях огромной важности. Предположим, например, что рабочие устраивают на свои сбережения фабрику, на которой работа производится рабочими, нанимаемыми со стороны. Хозяевами данной фабрики будут только рабочие; но как бы демократически не было организовано управление данной фабрики, как бы не было велико равноправие между ее хозяевами, она никогда не составит кооператива, если будет ставить своей целью продажу продуктов на сторону. Она явится вполне капиталистическим предприятием, подчиненным всем законам капиталистических предприятий. Хозяева фабрики, рабочие, могут преследовать только одну цель при устройстве этой фабрики — получить наибольшую прибыль на затраченный ими капитал. Чем лучше будет вестись фабрика, тем больше будет доставляемая ею прибыль. При удаче операции фабрики могут неограниченно расти, и соответственно этому может расти и прибыль, получаемая хозяевами. Хотя устроителями фабрики были рабочие и фабрика устроена ими на заработанные деньги, но ничто не мешает тому, чтобы рабочие — хозяева фабрики стали по истечении известного времени крупными капиталистами и вышли из рядов рабочего класса.

Рабочий, имеющий пай на фабрике, на которой начисляется дивиденд, получает доход из двоякого источника: с одной стороны, — со своего труда, с другой стороны — со своего капитала. Чем лучше идет принадлежащее ему капиталистическое предприятие, тем важнее капиталистический доход такого рабочего, и в конце концов рабочий может превратиться в настоящего капиталиста, переставая лично работать по найму, в чем исчезнет надобность вследствие увеличения его нетрудовых доходов.

Возьмем теперь фабрику, принадлежащую потребительскому обществу рабочего состава. Ее хозяевами являются такие же рабочие, как и хозяева первой фабрики. Но эта фабрика работает не на сторону, а на потребительские нужды членов потребительского общества.

Получая свою долю на заборный рубль, член потребительского общества получает нечто совершенно иное, чем хозяин первой фабрики. И это лучше всего видно из следующего. Как бы хорошо ни шли дела второй фабрики, денежный доход от нее не может превзойти очень узких размеров, — он не только не может превысить размер доходов ее хозяев из других источников, но даже не может достигнуть полных размеров этих последних доходов. В самом деле, ведь в виде доли на заборный рубль рабочий возвращает себе часть своих расходов, производимых им из его же заработка. Как бы удачно ни шли дела

потребительского общества, но расходы его не могут быть сведены до нуля, значит, рабочий во всяком случае получит обратно от потребительского общества в виде денежного остатка меньше того, что он дал.

Итак, потребительское общество ни в каком случае не может превратить рабочего в капиталиста. Чтобы получить свою долю доходов потребительского общества, рабочий должен прежде всего израсходовать свои деньги. Откуда же он их может получить? Только путем продажи своей рабочей силы. Никакого нового источника дохода потребительское общество своему члену не дает, ибо оно согласно сказанному имеет своей целью уменьшить расходы потребителя, а не дать новые источники дохода производителю.

Правда, и капиталистические предприятия стремятся к сбережению расходов, но предприятия эти, сберегая расходы, тем самым повышают свою прибыль, между тем как потребительское общество, сберегая расходы, никакого нового дохода не создает.

То обстоятельство, что выгоды потребительского общества находятся в известной зависимости от эксплуатации обществом труда его служащих и рабочих, ничего не меняет в этом положении дела. Далеко не всегда эксплуатация труда приводит к возникновению специфического капиталистического дохода — прибыли. Возьмем, например, труд домашней прислуги. Ее труд эксплуатируется нанимателями несколько не менее, чем труд рабочего, занятого на фабрике. Однако никому в голову не приходит, вычисляя свои доходы, причислять к ним еще «прибавочный труд» своей домашней прислуги.

Может быть, однако, это просто неточность составления баланса домашнего хозяйства? Отнюдь нет. Приравнивать «прибавочный труд» домашней прислуги прибавочному труду рабочего, занятого в капиталистическом предприятии, значит совершенно не понимать природы капиталистического хозяйства и природы капиталистической прибыли.

Сущность капиталистического хозяйства сводится к тому, что капиталист бросает в оборот известную ценность, которая затем к нему возвращается, но в возросшем виде. Этот прирост ценности образует собой прибавочную ценность, ради которой и предпринимается капиталистом вся данная операция.

Если капиталист дает рабочему на своей фабрике работу, то лишь для того, чтобы уплаченная заработная плата вернулась обратно к уплатившему в возросшем виде. Капиталист совершенно равнодушен к тому, какую именно работу выполняет рабочий, каким потребностям удовлетворяет изготовленный рабочим продукт, как влияет этот продукт на те или иные общественные интересы и т.д., и т.д. Ему важно только одно — чтобы ценность полученного им продукта возможно больше превышала сделанные затраты, чтобы возникла возможно большая прибавочная ценность и вернулась к своему исходному пункту — кассе капиталиста, пустившего ценность в оборот.

Что сущность круговорота капитала именно такова, об этом не может быть серьезного спора. Посмотрим теперь, имеется ли что-либо общее по своему внутреннему экономическому содержанию между наймом рабочего на фабрику и наймом домашней прислуги.

Я нанимаю за 20 руб. в месяц кухарку вовсе не потому, что я хочу пустить в оборот свои 20 руб. и превратить их, скажем, в 25 руб. Мои побудительные мотивы совсем иные, не имеющие ничего общего с мотивами капиталиста. Мне нужна не прибавочная ценность — мне нужен обед. И чтобы получить обед, я плачу кухарке. И если согласиться, что я эксплуатирую свою кухарку, то все же окажется, что капиталист эксплуатирует своих рабочих ради прибыли, а я эксплуатирую свою кухарку ради потребительских целей, ради хорошего обеда, а это далеко не одно и то же.

Допустим, что фабрикант увеличил эксплуатацию своего рабочего, повысив его рабочий день на 1 ч. Это вызовет соответственно увеличение прибыли фабриканта.

Если же я увеличу эксплуатацию своей кухарки, повысив ее рабочий день на 1 ч., то я не увеличу своей прибыли от кухарки, ибо и раньше никакой прибыли от нее не получал. Увеличение рабочего дня кухарки даст мне, быть может, возможность улучшить мой стол — вот и все. Я существенно выиграю, как и фабрикант, но мой выигрыш будет другой экономической природы — у капиталиста возросла прибыль, у меня же улучшилось потребление.

Правда, новая прибыль фабриканта может быть затрачена им на улучшение его потребления, и, таким образом, окончательный результат в обоих случаях будет тот же. Но достигнут-то он будет разными путями: в первом случае увеличение эксплуатации труда (в капиталистическом хозяйстве) превращается в добавочную прибыль, а затем добавочная прибыль превращается в добавочные предметы потребления капиталиста; во втором же случае (в домашнем хозяйстве) увеличение эксплуатации труда никакой добавочной прибыли не дает, а имеет своим непосредственным результатом улучшение условий домашнего хозяйства.

Вообще, капиталистическое хозяйство есть прибыльное, а не потребительское хозяйство — это нужно твердо помнить. Движущей силой капиталистического хозяйства является абстрактная прибавочная ценность; напротив, движущей силой потребительского хозяйства является потребность в тех или иных конкретных хозяйственных предметах.

Потребительское общество по самой своей природе преследует потребительские цели. Как бы оно ни эксплуатировало труд своих служащих и рабочих, оно не может утратить этого своего основного характера. И потому уменьшение расходов на домашнее хозяйство, к чему стремится потребительское общество, нечто совершенно иное, чем увеличение прибыли, к чему стремится капиталистическое предприятие. Суммирование в одно целое ряда этих сбережений и выдача их в конце года члену потребительского общества не изменяет экономической природы таких сбережений и не делает их прибылью, хотя бы эти суммированные сбережения и назывались «дивидендом», подобно капиталистической прибыли акционерных обществ.

Отсюда видно, как велико различие социально-экономической природы потребительского общества и капиталистического предприятия, кому бы последнее ни принадлежало, — лицам капиталистического класса или, при акционерной форме предприятий, — рабочего класса.

Перейдем теперь к другим видам кооперативных предприятий. Совершенно ясно, что доход производительной артели является принципиально трудовым доходом и в качестве такового ничего общего с нетрудовой капиталистической прибылью не имеет. К какому же подразделению тройственной группы доходов — земельной ренте, прибыли и заработной плате относится этот доход? Ни к какому, по той простой причине, что эти три вида дохода предполагают капиталистический способ производства, в данном же случае производство не имеет капиталистического характера. Поэтому доход производительной артели, равно как и доход одиночного самостоятельного производства, стоит вне названного тройственного деления.

Правда, в доходе производительной артели могут быть и нетрудовые элементы, общие с капиталистической прибылью. Так, например, поскольку доход артели основывается на разнице между покупной и продажной ценой приобретаемых материалов, доход этот принципиально не отличается от торговой прибыли. Но не эти извне привходящие элементы определяют собой экономическую природу дохода артели. Артель устраивается не для спекуляции на разнице покупной и продажной цены, а для достижения наилучшего использования в интересах рабочего его рабочей силы. Торговая спекуляция является посторонним элементом в деятельности артели. Напротив, трудовой доход составляет самое существо ее, и изображать трудовую артель компанией капиталистов-спекулянтов, значит совершенно исказить действительность.

Возьмем другие виды кооперативов — кооперативы по сбыту продуктов труда членов кооперативов и по переработке этих продуктов. Кооперативы эти во многих случаях по своей внешней форме значительно сближаются с ультракапиталистическими организациями нашего времени — картелями и синдикатами капиталистов. Одна из важнейших целей этих капиталистических организаций заключается в совместной продаже продуктов каждого отдельного предприятия. Для этого картель устраивает общую контору продажи, причем полученная прибыль обычно разверстывается между участниками картеля в соответствии с количеством проданного через посредство общей конторы продукта. Чем больше продуктов продает через общую контору каждое отдельное предприятие, тем больше причитающаяся ему доля общей прибыли. Перед нами полная аналогия с распределением выручки в кооперативах для сбыта.

Не следует ли такой капиталистический картель — например, хоть бы русскую знаменитую «Продамету»¹³ недавнего времени, — признать кооперативом? Экономическая форма «Продаметы» принципиально не отличалась от любого кооператива сбыта. Правда, юридически общество «Продамета» была не что иное, как обычная акционерная компания с такими же акциями, дивидендом на них и т.д. Но эта акционерная форма была только обманчивой видимостью. На самом же деле «Продамета» отнюдь не походила на обычную акционерную торговую компанию, и это с полной очевидностью выступало из поразительного несоответствия между оборотами «Продаметы» и ее акционерным капиталом. Основной капитал «Продаметы» при учреждении этого общества был определен всего в 100 тыс. руб., между тем обороты его в ближайшие же годы достигли десятков миллионов рублей. Отсюда ясно, какое ничтожное значение имел для оборотов «Продаметы» ее основной капитал. Объясняется это тем, что «Продамета» не покупала товаров, а только продавала их по поручению ее членов. Она была организована в виде

акционерного общества только для того, чтобы получить права юридического лица.

Акции «Продаметы» не могли быть отчуждены по усмотрению акционеров, но распределялись между участниками пропорционально доле участия каждого в сбыте соответствующих товаров; поэтому и прибыль «Продаметы» распределялась фактически между ее членами таким же порядком, подобно тому как в артельной маслодельне полученный доход распределяется пропорционально количеству поставленного молока.

Некоторые теоретики кооперации не прочь, по-видимому, признать подобные капиталистические организации за настоящие кооперативы. Но ведь совершенно очевидно, что экономическая роль и все условия развития капиталистических картелей и трестов не имеют ничего общего с ролью и условиями развития в современном обществе кооперативов. Ни один кооператор не предложит всерьез включить в кооперативные союзы и организации также и капиталистические картели и тресты. Если же теоретики кооперации приходят в результате своих попыток определить кооперацию к признанию кооперативами и картелей, то это является лучшим доказательством неудачности этих попыток, сведением к абсурду данных теоретических построений.

Итак, чем же отличаются кооперативы по сбыту от капиталистических контор сбыта, иначе говоря, картелей? Только тем, что первые организации объединяют трудовых производителей, а вторые — капиталистических предпринимателей. Различие юридической структуры тех и других есть следствие этого основного их различия.

Кооперативы по сбыту не нуждаются в юридической форме акционерной компании потому, что они не преследуют капиталистических целей. Как и картели, они стремятся к повышению доходов их членов; но так как членами кооперативов являются не капиталисты, а трудящиеся производители, то и кооперативы по сбыту увеличивают трудовые доходы своих членов.

Опять-таки, как мы видели на примере производительных артелей, нельзя провести точной разграничительной черты между трудовыми и нетрудовыми элементами доходов самостоятельных производителей, образующих кооператив по сбыту. Каждый производитель стремится продать свой продукт по возможно высшей цене, и это верно как относительно капиталистических, так и трудовых производителей. Если продажная цена продукта мелкого производителя не соответствует его относительной трудовой стоимости, то в ней имеются нетрудовые элементы — мелкий производитель получает доход, аналогичный торговой прибыли. Но мелкие производители по самой природе капиталистического общества являются в нем не сильнейшим, а слабейшим общественным классом. Они борются не за повышение их трудового продукта выше трудовой нормы, а стараются оградить себя путем кооперативной организации от понижения цены их продуктов капиталистами-посредниками ниже этой нормы.

«Продавец всегда стремится, — сказал известный теоретик кооперации Оппенгеймер¹⁴, — к возможно большей прибыли». Это сказано очень неточно. Действительно, всякий продавец всегда стремится к наибольшей выгоде, но эта выгода не всегда имеет характер капиталистической прибыли. Если продавец продает свой собственный трудовой продукт

капиталисту-посреднику, то, как общее правило, не он является эксплуататором покупателей, а покупатель его эксплуатирует. Торговый посредник обладает капиталом, а мелкий производитель находит опору только в своем труде. Повышение продажной цены продукта мелкого производителя отнюдь не превращает его в капиталиста, но, как общее правило, только уменьшает эксплуатацию мелкого производителя капиталистом-посредником.

Но и по самому существу дела продажная цена продукта трудового производителя не может превысить, как общее правило, трудовой нормы. И это потому, что если бы нечто подобное произошло, если бы продажные цены в данной отрасли производства существенно повысились против названной нормы, то мелкий производитель получил бы сильный мотив к расширению своего предприятия путем привлечения к нему наемного труда; таким образом, мелкий производитель развивался бы в мелкого капиталиста. Кооперация мелких производителей повела бы в этом случае к превращению трудовых производителей в мелких капиталистов. Но организация, в которой трудящиеся элементы перестали бы давать тон, неизбежно утратила бы и специфические черты кооператива, которые обычно считаются его признаками, как-то: демократизм, личное начало и т. д. Все эти черты суть неизбежное и неустранимое следствие существенной природы кооператива — того, что кооператив объединяет трудовые, а не капиталистические элементы.

Капиталистическая организация имеет всегда крайне характерный облик. Весь смысл этой организации заключается в стремлении к наибольшему барышу. Отсюда тенденция к неограниченному расширению оборотов предприятия, ибо жажда наживы никогда не достигает насыщения. Капиталу свойственно становиться самоцелью, подчинять себе не только весь строй данной экономической организации, но и самого человека.

Кооперативы характеризуются прямо противоположными чертами. Их цель — не наибольшая прибыль, но наибольшая степень благосостояния членов кооператива: они не только не подчиняют человека капиталу, но, наоборот, ставят своей задачей избавить человека от такого подчинения.

И в этом смысле кооператоры, настаивающие еще со времен Шульце-Делича¹⁵ на том, что кооперация есть союз лиц в противоположность союзам капиталов, совершенно правы. Недостатком определения кооператива как союза лиц является лишь неопределенность и неясность этого понятия. Нужно показать, какой же экономический смысл имеет противопоставление понятия лица понятию капитала.

Вопрос о природе доходов кооперативов может быть решен следующим образом. Доход кооперативного предприятия принципиально глубоко отличен от капиталистической прибыли. Правда, элементы прибыли могут примешиваться к доходу кооперативов. Но они всегда являются инородным телом в природе этого дохода, явлением ненормальным, препятствующим кооперативу достигать своих основных целей, началом капиталистического вырождения кооператива, которое постигает очень многие кооперативы, но которое никоим образом не может считаться выражением их внутренней сущности. Кооперация выросла на капиталистической почве и имеет капиталистическую форму; но в этой капиталистической форме живет совершенно иной, некапиталистический

дух, влекущий человечество на новые пути, создающий новые общественные формы, настолько противоположные формам жизни капиталистического общества, насколько солидарность и взаимопомощь противоположны эксплуатации и насилию.

5. Кооператив и муниципальные предприятия

Итак, кооператив не только не есть капиталистическое предприятие, но именно в борьбе с капиталом и заключается самая сущность кооперативного движения. В своем капиталистическом теле кооператив скрывает душу, враждебную капиталу. Кооперативы служат интересам не капиталистов, а тех, кто страдает от капитализма. Кооперация есть одна из форм самозащиты трудящихся классов от натиска капитала.

Каждый вид кооперативов имеет своей специальной задачей борьбу с определенным родом капитала. Так, например, потребительские общества ведут борьбу прежде всего с розничными торговцами, торгующими предметами широкого массового потребления; на следующей ступени развития потребительские общества, объединенные в общества оптовых закупок, вступают в борьбу и с оптовыми торговцами, а еще на следующей ступени, когда они переходят к собственному производству, — и с промышленным капиталом. Товарищества по сбыту борются с капиталистами-скупщиками, закупочные товарищества — с капиталистами-продавцами. Производительные ассоциации стремятся уничтожить капиталиста-фабриканта, заменяя его организованным участием рабочих в руководстве промышленным предприятием.

Но не нужно забывать, что борьба кооперативов с капиталистом ведется ими не созданием совершенно нового хозяйственного строя, как пытались, и безуспешно, бороться с капитализмом социалистические общины. Кооперативы тоже создают новый мир, но теми орудиями, которые имеются в самом капитализме.

Развитие капиталистического строя, будучи, несомненно, прогрессивным процессом и повышая в огромной степени производительность общественного труда, в то же время сопровождается тяжелыми страданиями для широких масс населения. Мелкие производители терпят от конкуренции крупных капиталистических предприятий и в то же время, все более и более втягиваясь в сферу меновых отношений, утрачивают устойчивость своего хозяйства и попадают в зависимость от денежного и торгового капитала. Создаваемый ростом капиталистического производства пролетариат является новым общественным классом, лишенным средств производства и не обеспеченным в своем доходе, всецело зависящим от условий продажи рабочей силы.

В то время как мелкие производители страдают от развития капиталистических отношений в качестве предпринимателей, рабочие терпят от тех же отношений в качестве продавцов рабочей силы и потребителей. И для тех и для других возникает необходимость ограждения своих интересов от неблагоприятных последствий нового хозяйственного строя.

Самозащита трудящихся классов возможна только путем объединения их в более или менее обширные группы, мелкие самостоятельные производители, и рабочие являются, сравнительно с крупными предпринимателями, капиталистами, экономически более слабыми! Единоличная борьба отдельных представителей трудящихся классов с капиталистами невозможна. Но связанные общей организацией, трудящиеся классы могут с успехом противостоять капиталу.

Единичный пролетарий не располагает никакими средствами для борьбы с розничным торговцем, продающим ему предметы потребления плохого качества по непомерно высокой цене. Он не может заменить покупку у розничного торговца приобретением товара у оптовика, ибо он покупает по мелочам и не располагает капиталом, необходимым для покупки товара большими партиями. Но группа таких пролетариев, объединенная в качестве покупателей, представляет собой крупную покупательную силу, для которой покупка по оптовым ценам не представляет собой ничего невозможного. Точно так же мелкий производитель, выступая единолично, не имеет никакой возможности отстоять себе тех условий кредита, которые доступны крупному предпринимателю. Группа же мелких производителей при солидарной ответственности их друг за друга представляет собой не меньшее обеспечение исправного возврата полученной ссуды, чем любой капиталистический заемщик. Также и при сбыте своих продуктов мелкий производитель, предоставленный своим единоличным силам, неизбежно попадает в зависимость от экономически более сильного капиталиста — покупателя, между тем как группа тех же производителей, выступая как одно целое на товарном рынке, легко достигает таких же условий продажи, как и крупный предприниматель.

В этом объединении многих лиц вокруг одной хозяйственной цели заключается источник силы кооперации. Кооперативы — не только хозяйственные предприятия, но и предприятия многочисленные.

Хозяйственные организации в интересах широких общественных групп могут возникать двумя способами — принудительно или добровольно. Государство и его органы являются принудительной организацией, которая может ставить себе цели хозяйственные и успешно достигать их. Принудительные общественные организации могут создавать специальные учреждения для защиты хозяйственных интересов тех же общественных классов, которые объединяются и в кооперативы.

Кооператив защищает хозяйственные интересы экономически слабых общественных групп путем объединения их в одно хозяйственное целое. Но то же может делать государство или его органы — город и земство. И действительно, мы нередко видим, что принудительные общественные организации (например, муниципалитеты), так сказать, конкурируют с кооперативами в защите интересов совершенно того же порядка.

Потребительское общество борется за удешевление стоимости жизни нуждающихся классов населения. Но за ту же задачу борется и муниципалитет. Так, например, в последнее время под влиянием вздорожания жизни многие города устраивают городские лавки для продажи разных продуктов по умеренным ценам.

Другим примером того же рода являются государственные и общественные зернохранилища — элеваторы, устраиваемые государством и муниципалитетами для улучшения условий продажи хлеба. Те же цели преследуют и элеваторы, принадлежащие кооперативам.

Если мы вспомним, какой огромной экономической силой обладают принудительные общественные союзы, то самая возможность конкуренции с последними кооперативов покажется нам мало понятной. Ведь государство и его органы собирают свои средства путем налогов. Экономические средства государства кажутся неисчерпаемыми. Напротив, кооперативы не только не обладают столь же обширными ресурсами, но, как общее правило, очень ограничены в своих денежных средствах. И это нисколько не удивительно. Ведь кооперативы возникают среди более бедных классов населения. Эти классы не располагают никакими избытками, никакими свободными капиталами.

Начинаются кооперативы обычно с самым ничтожным денежным капиталом, который только постепенно, после продолжительного существования кооператива, достигает больших размеров. Таким образом, перед нами две хозяйственные организации — одна из них располагает средствами, практически неисчерпаемыми и получаемыми в желаемых размерах путем принудительного обложения населения; другая же организация до последней степени стеснена в средствах, собираемых жалкими грошами среди более нуждающихся общественных классов. Разве возможна успешная конкуренция между организациями столь различной экономической силы?

Опыт показывает, что не только возможна, но что нередко кооперативы оказываются более пригодными для разрешения тех задач, которые они себе ставят, чем преследующие сходные цели учреждения, связанные с государством и муниципалитетами.

Городские лавки и тому подобные учреждения далеко не всегда имеют успех, несмотря на громадные средства, которые на них затрачиваются. Редко они себя окупают и обычно могут существовать только благодаря новым и новым затратам общественных средств. Напротив, кооперативы не только окупают себя, но и имеют возможность накапливать из своей выручки крупные сбережения. Накопленный английскими потребительскими обществами капитал считается десятками миллионов фунтов стерлингов, но, кроме того, эти общества имеют возможность возвращать своим покупателям из своей выручки свыше десяти миллионов фунтов стерлингов ежегодно.

Что же возмещает кооперативам недостаток капитала при начале дела? В чем источник их силы?

Ответ не труден. Если сила принудительных союзов заключается в возможности принуждения населения, то сила кооперативов заключается именно в их полной добровольности, в совершенной свободе каждого члена принимать или не принимать в них участие. Кооператив является такой хозяйственной организацией, которая возникает совершенно свободно, без какого бы то ни было принуждения. Кооператив есть организованная самопомощь, и в этом его специфическая сила.

Сравним потребительское общество с лавкой, устраиваемой городом для борьбы с дороговизной тех или иных продуктов. В городской лавке управление принадлежит городским властям, которые сами непосредственно очень мало заинтересованы в том, чтобы лавка достигала своих целей. Лавка существует в интересах покупателей, но сами покупатели не принимают никакого участия в управлении ею. Они ничем не помогают управлению лавкой, относятся к ней так же, как и к любому капиталистическому предприятию.

Возьмем теперь потребительское общество. Правда, начинать ему приходится с грошей, и его первые шаги всегда сопряжены с огромными затруднениями. Но зато члены потребительского общества лично заинтересованы в том, чтобы оно достигало своих целей. Все покупатели суть вместе с тем и хозяева. Какое-либо упущение или неисправность управления лавкой контролируются самым действительным образом сотнями и тысячами участников кооператива. Всякий из них понимает, что неудача лавки есть его собственная неудача, и отсюда является готовность идти на известные жертвования своими экономическими интересами и своим временем и трудом для поддержания лавки.

Опираясь на эту солидарную заинтересованность всех своих клиентов, кооператив может достигать огромных результатов с самым ничтожным капиталом. Недостаток капитала заменяется общей готовностью сделать все возможное для успеха общего дела.

Муниципальное предприятие в интересах населения есть опека последнего сверху. Напротив, кооператив есть самопомощь самого населения.

Кооператив взывает прежде всего к личной заинтересованности каждого. Но это не все — на личной заинтересованности основываются и капиталистические предприятия. Кооперация в этом отношении, как и в других, существенно отличается от капитализма.

Люди, поведение которых определяется только мотивами личного эгоизма, непригодны для кооперации. Правда, кооператив обещает своим членам существенные экономические выгоды, но эти выгоды могут быть получены ими лишь в случае, если члены кооператива способны отказаться от своих выгод. Первые шаги кооператива всегда очень трудны, и кооператив не переживает болезней своего детства, если члены его будут думать только о своих личных интересах. На первых порах кооператив никаких выгод не дает, а требует жертв. Не только нужно вносить паи, что для тех классов населения, среди которых возникает кооператив и которые не обладают никакими избытками, очень и очень не легко, но нужно быть готовым и переносить последствия промахов и ошибок, неизбежных у руководителей нового дела. Кучка рабочих, решившихся основать потребительское общество, не располагает знанием рынка и вообще не обладает торговым умением. Поэтому, как общее правило, первое время рабочее потребительское общество оказывается по отношению к выполнению своих непосредственных задач — снабжению своих членов доброкачественными предметами потребления по умеренной цене — стоящим значительно ниже обычной капиталистической лавки. Для членов общества возникает соблазн покупать товары не в своей лавке, а у соседнего торговца, который к тому же предлагает товар в кредит, в то время как общество отпускает товар только за наличные.

Затем, само ведение дела — должности члена правления, ревизионной комиссии — требует значительной затраты времени и труда. А всякая свободная минута дорога рабочему человеку. Приходится жертвовать своим досугом и вместо того, чтобы отдохнуть от утомительного труда, тратить время на скучные и нисколько не интересные мелкие хлопоты и счета.

Что же побуждает людей не отступить перед всеми этими трудностями и победоносно преодолевать их? Очевидно, только интерес к общему делу, общественное воодушевление, энтузиазм. Без такого энтузиазма невозможен успех кооператива.

Каких же душевных свойств требует кооперация от своих участников? Конечно, не равнодушия к личному интересу. Наоборот, кооператив предполагает личную заинтересованность и без нее не может иметь успеха. Личная заинтересованность создает тот непрерывный контроль, который так важен для успеха кооператива.

Приказчик продает в лавке потребительского общества товар плохого качества. Если покупатели лавки не привыкли беречь свою копейку, то они могут и не обратить внимания на полученный ими от плохого качества товара небольшой хозяйственный ущерб. В результате этих мелких упущений получается плохое ведение всего дела. Напротив, если члены кооператива привыкли строго охранять свои интересы и избегать всякого хозяйственного ущерба, как бы ничтожен он ни был, то ни одно упущение правления не остается незамеченным и может быть, следовательно, исправлено.

Таким образом, мелочный контроль дела, исходящий от массы членов кооператива, пользующихся его услугами, есть необходимое условие успеха. А этот мелочный контроль может основываться только на привычке строго охранять свои интересы.

6. Определение кооператива и различие кооперации от других форм самопомощи трудящихся классов

Но охрана своих интересов должна соединиться у кооператора с готовностью жертвовать ими во имя общих интересов. Не чистый эгоизм и не чистый альтруизм, а солидарность интересов — вот духовная основа кооперации. Эгоизм лежит в основе капитализма, альтруизм — социализма, кооперация соединяет эгоизм с альтруизмом в сознании солидарности общего и частного интересов. В кооперативе интересы всех примирены и все в равной мере заинтересованы в том, чтобы общее дело преуспевало, успех этого общего дела обещает и многочисленные выгоды отдельным участникам. Но чтобы получить эти выгоды, нужно уметь и отказываться от них, если это требуют общие интересы.

Как правильно замечает Рейнольд Рин16, автор прекрасной книги «Das Konsumvereinswesen in Deutschland», «сознание своих собственных интересов побуждает кооператора

стремиться к сохранению всех тех, по внешней видимости чисто идеалистических учреждений, которые имеют своей целью развитие чувства солидарности между кооператорами. Отсюда затрата огромных сумм в английских потребительских обществах на цели воспитания, образования и благотворительности, достигающих, чтобы привести конкретный пример, в обоих потребительских обществах Ольдгама¹⁷ за пятидесятилетие их существования не менее двух с половиной миллионов марок. Эти общества знают, что эти два с половиной миллиона марок были не следствием, а причиной 53,5 млн. марок, выданных членам тех же обществ. Отсюда и стремление создать в потребительском обществе средоточие духовной и общественной жизни членов общества. Как хороший хозяин потребительское общество вводит в свой финансовый учет выгоды от поднятия морального и интеллектуального уровня своих членов совершенно так же, как государство учитывает выгоды от поднятия платежеспособности населения, поощряя развитие образовательных учреждений. Наблюдателя поражает контраст между тем членом потребительского общества, который на общем собрании гремит по поводу плохого чая, проданного его достойной супруге, и кооператором, который с воодушевлением требует затрат на кооперативные школы, библиотеки, санатории и пр., но в конце концов это только подтверждение тривиальной истины, что с поднятием морального и интеллектуального уровня возрастают и хозяйственные успехи человека».

Итак, кооперация воспитывает нового человека, гармонично сочетающего в себе умение отстаивать личные интересы с готовностью отказываться от них во имя интереса общего. Как кооперация есть детище двух совершенно противоположных общественных систем — капитализма и социализма, так и душевные свойства кооператора являются своеобразным сочетанием противоположных этических начал эгоизма и альтруизма.

Суммируя все указанные характерные черты кооператива, мы приходим к следующему определению его: кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды.

Кооператив по самому своему существу есть организация трудящихся общественных классов в их борьбе с капиталистами. Поэтому ничего не может быть фальшивее рассуждений многих проповедников кооперации о неклассовом характере кооперативного движения. Кооперативы всегда были и остаются организациями классовыми, организациями трудящихся классов.

Самозащита трудящихся классов может вестись двумя способами: путем непосредственной борьбы с их антагонистами и путем конкуренции с последними. Отсюда и вытекают три основных русла современного рабочего движения — профессиональное, политическое и кооперативное. Профессиональное движение, выражающееся в союзах рабочих как продавцов рабочей силы, непосредственно направлено против капиталистов. Весь смысл рабочего союза заключается в борьбе с капиталистом-предпринимателем ради возможного улучшения условий продажи рабочей силы. Интересы капиталистов и рабочих находятся в данном случае в резком антагонизме.

Политические партии рабочих ведут такую же борьбу, но в более широких политических рамках. Борьба направлена в этом случае непосредственно против капиталистов, против государства, поскольку последнее является выражением классового господства владельцев средств производства. И политическая партия рабочих, не менее рабочего союза, есть боевая организация, созданная всецело для борьбы.

Кооператив глубоко отличен по своей природе и от рабочего союза, и от политической партии. Правда, все три организации имеют своей средой трудящиеся классы и защищают интересы этих классов. Но кооператив ведет эту защиту совсем другим методом, чем рабочий союз (не говоря уже о политической партии).

Рабочий союз борется внутри капиталистического предприятия и, значит, предполагает существование последнего; в рабочем союзе находит себе выражение внутренний антагонизм, присущий капиталистическому предприятию как таковому. Напротив, кооператив существует не внутри капиталистического предприятия, а вне его, рядом с ним. Рабочий союз берет капиталистическое предприятие, как оно есть, и стремится изменить в интересах рабочих его внутреннее соотношение сил. Кооператив не затрагивает непосредственно внутреннего строения капиталистического предприятия и соотношения его антагонистических сил, а создает рядом с капиталистическим предприятием новое предприятие в интересах трудящихся классов.

Поэтому с формальной, внешней стороны кооператив не ведет никакой борьбы с капиталистическим классом. В то время как весь смысл рабочего союза заключается в этой борьбе, кооператив занят ведением своего предприятия и совершенно не вмешивается в отношения труда и капитала в других предприятиях.

Многие кооператоры думают, что кооператив есть организация, принципиально чуждая какой бы то ни было борьбе. Кооперация, говорят они, есть социальный мир, кооперация не посягает ни на чьи интересы, она стоит выше классовых антагонизмов современности.

Это, однако, безусловно неверно. Если бы кооперация была вне классовых антагонизмов капиталистического общества и выражала собой социальный мир, то почему она встречала бы в своем развитии столько вражды? В особенности потребительская кооперация — самая высшая форма кооперации — вызывает в своем росте самое ожесточенное противодействие капиталистического класса. Об этом будет речь ниже, теперь же ограничимся констатированием того бесспорного факта, что не только лавочники борются всеми средствами с потребительскими обществами, но нередко и государство. Достаточно сослаться на пример Германии.

В действительности кооперативы ведут не менее энергичную борьбу с капиталистическим классом, чем рабочие союзы, но совершенно иным образом. Создавая новое предприятие, кооператив конкурирует с капиталистическими предприятиями и уничтожает последние. В этом смысле кооператив еще опаснее для капиталистического предприятия, чем рабочий союз. Последний стремится изменить соотношение сил внутри капиталистического предприятия в ущерб интересам капитала, но не только не желает разрушения самого предприятия, а, наоборот, не менее капиталиста заинтересован в сохранении его. Самой

действительной угрозой рабочим является закрытие предприятия: нет работодателя — нет и работы.

Напротив, кооператив не только не боится прекращения капиталистического предприятия, а стремится к этому. Всякий кооператив имеет перед собою определенный вид капиталистического предприятия, с которым он конкурирует и который он стремится уничтожить.

В этом смысле кооперация ведет с капитализмом еще более решительную борьбу, чем другие организации рабочего класса. Рабочий союз, как сказано, борется с капиталистом, но не с капитализмом. Что касается политического движения рабочих, то оно, конечно, направлено на уничтожение капиталистической системы, но лишь в окончательном итоге. Непосредственно же удары политической рабочей партии направлены отнюдь не на капиталистические предприятия, а на государственную власть, поскольку последняя ограждает интересы капиталистического класса в ущерб интересам рабочим.

С капиталистическими предприятиями как таковыми борются только кооперативы. И потому кооперация отнюдь не является социальным миром, а социальной борьбой, столь же принципиальной и идущей до конца, как и политическая борьба рабочего класса. Но кооперация борется не насилием, не оружием и не баррикадами, а мирным строительством нового общественного строя. Кооперация есть, конечно, борьба, но борьба мирными средствами.

Глава III. Классификация кооперативов

1. Кооперативы как некапиталистические предприятия

Кооператив принципиально отличается от капиталистического предприятия не внешними, формальными признаками, а своей внутренней природой. Поэтому, чтобы решить вопрос, является ли кооперативом то или другое предприятие, нужно прежде всего выяснить, имеет ли данное предприятие капиталистический характер, и если оно имеет этот характер, то оно никоим образом не может быть признано кооперативом, как бы ни были велики черты его сходства с кооперативами.

Возьмем, например, общество взаимного кредита. По внешнему устройству оно очень близко к кредитному кооперативу. Общество взаимного кредита возникает для того, чтобы удовлетворить нужду в кредите его членов, совершенно подобно кооперативному кредитному товариществу. Обе организации носят одинаково демократический характер, и в обществе взаимного кредита, как и в кредитном товариществе, каждое лицо имеет один голос независимо от размера своего паевого взноса. Обе организации носят одинаково открытый характер; каждый может в них вступать с разрешения правления — число членов в них не ограничено.

Проф. Вигодзинский устанавливает три признака кооператива: 1) неограниченное число членов; 2) содействие промыслу или хозяйству членов; 3) общее предприятие. Всеми этими тремя признаками обладает общество взаимного кредита и, значит, должно быть признано кооперативом. Однако общества этого рода живут совершенно иной жизнью, чем кредитные кооперативы, не входят в союзы кооперативов и не имеют ничего общего с кооперативным движением. Как общее правило, эти общества и не называются кооперативами.

Чем же они отличаются от кооперативов? Тем, что они служат интересам не мелких трудовых производителей, а более зажиточных общественных классов. Это доказывается многими признаками, — прежде всего размером открываемого ими кредита, который уже не может быть назван мелким кредитом. Затем самый характер кредита иной: кредитный кооператив кредитует своих членов под их долговые расписки, а общество взаимного кредита учитывает векселя. Клиенты кредитного кооператива принадлежат к тем классам общества, которые не пользуются векселями, так как вообще не ведут коммерческих капиталистических операций. Напротив, общество взаимного кредита, учитывая векселя, содействует капиталистическим операциям своих членов. Затем, истинный кредитный

кооператив не должен начислять дивидендов на паи — да и паев в нем не должно быть. Правда, кооператив должен оплачивать капитал, которым он пользуется, но он не ставит себе целью повышение этого дохода, а, наоборот, стремится свести вознаграждение капитала к возможному минимуму. Напротив, общество взаимного кредита всегда имеет паи и выдает на паи дивиденд, который нередко достигает столь же высоких размеров, как и дивиденд любой акционерной компании. И это неудивительно, ибо в то время как члены кредитного кооператива принадлежат к тем классам общества, которые не располагают свободным капиталом, члены общества взаимного кредита выходят из среды более или менее состоятельных общественных классов, получающих капиталистические доходы и потому, естественно, стремящихся оплачивать высоко и вложенный ими в общее дело паевой капитал.

Итак, различие общества взаимного кредита и кредитного кооператива заключается в том, что первое обслуживает более или менее состоятельные, капиталистические или полукапиталистические классы, а второй служит интересам некапиталистического класса «мелких» трудящихся производителей. Именно поэтому общество взаимного кредита и не может быть причислено к кооперативам.

Точно так же, как бы близко ни походил по внешним чертам своего устройства капиталистический картель на кооператив по сбыту, он не может быть признан кооперативной организацией, потому что членами его являются не мелкие трудящиеся производители, а капиталисты.

Конечно, отнюдь не обязательно, чтобы все члены кооператива принадлежали к трудящимся классам. Наоборот, почти неизбежно, чтобы в состав кооперативов входили и лица других общественных классов. Ведь кооперативы в большинстве случаев носят характер открытых организаций, в которых может принимать участие каждый желающий. Если в кооператив пожелает вступить лицо капиталистического класса, то кооператив не имеет никаких оснований противиться этому.

Возьмем, например, потребительское общество. В него может вступить каждый желающий, к какому бы общественному классу он ни принадлежал. Потребительское общество не имеет мотивов препятствовать богатым людям вступать в число его членов. Наоборот, оно только выигрывает, если его члены и покупатели обладают большими покупательными средствами. И фактически классовый состав членов потребительского общества обычно бывает весьма разнообразен. Правда, в потребительских кооперативах обычно преобладают члены из состава трудящихся классов, но наряду с ними входят и лица состоятельные, и даже богатые. Если последних обычно бывает очень мало, то лишь вследствие их нежелания вступать в члены организации, в которой они не нуждаются и которая им чужда по духу. Дело в том, что все устройство потребительского кооператива приспособлено к обслуживанию интересов не капиталистов, а лиц трудящихся классов. На это указывает скудная оплата паевого капитала, равное право голоса всех членов, независимо от числа паев, запрещение сосредоточения в руках одного лица более определенного числа паев, а главным образом — распределение выручки не по паям, а по забору. И потому участие отдельных лиц капиталистического класса в потребительском обществе не мешает последнему быть кооперативом.

Точно также в разнообразных кооперативах по сбыту и закупке сельскохозяйственных продуктов состав членов не может быть приурочен к какому-либо одному общественному классу. Не только крестьяне, но и помещики играют большую роль в сельскохозяйственной кооперации, а в некоторых странах наблюдается даже, что сельскохозяйственная кооперация развивается под непосредственным руководством и преобладающим влиянием помещичьего класса. Тем не менее это кооперативы, а не капиталистические компании, ибо таково их внутреннее строение.

Возьмем, например, маслодельную артель. Она не имеет никаких поводов отказывать в приеме в число своих членов лицам помещичьего класса. Наоборот, чем больше поставщиков молока примыкает к артели, тем сильнее она себя чувствует. Что же делает кооперативом маслодельную артель, в состав которой входят как крестьяне, так и помещики? То, что внутреннее устройство маслодельной артели не капиталистическое. Это видно из низкой оплаты паевого капитала, равного права голоса всех членов, и главное — из распределения выручки не по паям, а по молоку. Эти черты устройства маслодельной артели свидетельствуют, что она служит интересам не капиталистов, а тех, кто собственным трудом производит молоко, и вот почему артель является кооперативом, сколько бы помещиков ни принимало в ней участия.

То же можно сказать и о кредитном кооперативе, служащем интересам мелких заемщиков и отнюдь не утрачивающем этого своего характера от того, что в члены его входят лица состоятельные.

Итак, некапиталистический характер кооператива нужно понимать не в том смысле, чтобы в кооперативы не могли входить лица капиталистических классов, а в том, что кооперативы по своему внутреннему устройству приспособлены к обслуживанию интересов не капитала, а трудящихся классов. Лица капиталистического класса, входящие в состав кооператива, приравниваются последним к остальным его членам, и кооператив, таким образом, не утрачивает своего демократического характера.

2. Классификация кооперативов как хозяйственных предприятий

Переходя к классификации кооперативов, нужно прежде всего отметить, что кооперативная организация может преследовать двоякого рода цели: 1) объединение тех или иных лиц для общего владения предприятием и 2) объединение тех или иных лиц в области труда. Таким образом, мы приходим к основному делению кооперативов на два рода: 1) кооперативы в области владения и 2) кооперативы в области труда. Кооперативы первого рода ставят себе цели более простые и несложные, чем вторые.

Дальнейшие подразделения кооперативов видны из нижеследующей таблицы.

Классификационная таблица кооперативов

Таким образом, можно различить следующие 9 основных видов кооперации:

1. Кредитные кооперативы.
2. Потребительские общества.
3. Домостроительные общества.
4. Закупочные товарищества.
5. Товарищества по сбыту.
6. Товарищества по переработке.
7. Производительно-подсобные артели.
8. Трудовые артели.
9. Производительные артели.

Эти виды кооперативов расположены по порядку возрастающей сложности их функций. Наибольшей простотой отличаются кредитные кооперативы, задача которых сводится к распределению между членами денег, получаемых ими путем кредита со стороны, под ответственностью всех членов кооператива. Организации этого рода так несложны и требуют так мало кооперативного сознания и делового умения, что легко удаются даже в самых отсталых странах. Потребительские общества также преследуют очень простые задачи совместной закупки предметов потребления, но уже требуют более сложного предприятия и значительной степени торгового умения. Домостроительные общества представляют гораздо более трудностей для своего осуществления, так как они предполагают и более значительную затрату средств (постройка дома) и связывают на долгий срок в одно хозяйственное целое всех участников кооператива (погашение основного капитала, вложенного в дом). Закупочные товарищества также труднее

осуществимы, чем потребительские общества, ибо интересы потребителей легче могут быть приведены к взаимному согласованию, чем интересы конкурирующих друг с другом производителей.

Все эти четыре вида кооперативов ставят себе задачей приобретение хозяйственных предметов. А так как покупка по самой природе менового хозяйства является операцией гораздо легче осуществимой, чем продажа, то названные кооперативы вообще легче осуществимы, чем вторая группа кооперативов в области владения — кооперативы по сбыту. Кооперативы этого последнего рода, естественно, распадаются на два подразделения: кооперативы по сбыту продуктов индивидуального производства своих членов и товарищества по переработке, сбывающие продукты своих членов в переработанном виде. Товарищества по переработке преследуют более сложные задачи, чем простые товарищества по сбыту, так как, кроме сбыта, они организуют также и переработку продуктов.

Наиболее сложные задачи преследуют кооперативы в области труда. По степени сложности своих функций кооперативы этого рода распадаются на три вида. Производительно-подсобной артелью является такой кооператив, члены которого работают порознь, но сообща владеют и пользуются некоторыми средствами производства. Примерами таких производительно-подсобных артелей в кустарной промышленности являются артельные горны, кузны, парни, а в сельском хозяйстве — артельное пользование молотилками и другими сельскохозяйственными машинами. Трудовой артелью является группа рабочих, сообща продающих свой труд и сообща исполняющих трудовые процессы. С этим обычно соединяется и общее владение некоторыми средствами производства. Типом таких трудовых артелей являются строительные артели или артели газетчиков, грузчиков, носильщиков, грабарей¹⁸ и т.п. Наконец, производительной артелью является группа лиц, совместно владеющих средствами производства, вместе участвующих в производстве и совместно владеющих изготовленным продуктом. Очевидно, производительная артель образует собой наиболее сложный вид кооператива, так как она является и кооперативом по покупке (средств производства), и кооперативом по производству, и кооперативом по сбыту.

3. Важность правильной классификации кооперативов

До какой степени важна стройная и соответствующая внутренней природе каждого вида кооперативов общая классификация их, видно из тех недоразумений, к которым приводит отсутствие такой общепринятой классификации. Так, например, на первом Всероссийском кооперативном съезде маслодельные артели были отнесены съездом в одну секцию с производительными артелями и рассматривались съездом как одно из подразделений производительных артелей. Маслодельные артели представляют собой один из наиболее успешных кооперативов. Таким образом, создалось представление, что и производительные артели способны к таким же быстрым успехам. Между тем на самом деле производительные

артели являются самым неудачным членом кооперативной семьи и влачат в общем очень жалкое существование по причинам, которые будут выяснены ниже. Отнесение маслодельных артелей к числу производительных артелей совершенно искажало, таким образом, действительное положение дел.

К какому же виду кооперативов должны быть отнесены маслодельные артели?

Производство в маслодельной артели выполняется при помощи наемного труда и ничего кооперативного в себе не заключает, так как участвующие в производстве рабочие не состоят членами кооператива. Кооперативное начало маслодельной артели заключается в том, что ее хозяевами являются мелкие производители молока,¹ которые как молочные производители опять-таки ведут хозяйство единолично, некооперативным образом, и вступают в кооперативную связь лишь в сфере сбыта молока, перерабатывая его рабочими, не состоящими членами кооператива.

Переработка молока в масло при помощи наемного труда не есть кооперативная организация труда; но объединение производителей молока в одну группу для улучшения условий сбыта их молока является кооперативной организацией. В каком виде сбывается молоко объединившихся производителей его — в виде ли просто молока или в переработанном виде, в виде масла, — это принципиального значения не имеет, и маслодельная артель принципиально является кооперативом по сбыту, а именно товариществом по переработке, но отнюдь не кооперативом по производству, ибо в таком кооперативе участники труда производства (в данном случае — рабочие маслодельной артели) должны быть кооперативно связаны между собой.

Вот если бы рабочие маслодельной артели были хозяевами ее, сами приобретали молоко и за свой счет продавали его на рынке, это был бы трудовой производительный кооператив. Таких маслодельных артелей мы не знаем по понятным причинам, на которых мы останавливаться теперь не будем, но такие артели мыслимы, и на это следует указать, чтобы сделать вполне ясным отличие трудового производительного кооператива от кооператива только в сфере владения.

Дело по существу очень просто, хотя и вызывает недоразумения. Поэтому поясним еще в двух словах, почему маслодельная артель не есть трудовой производительный кооператив.

Процесс производства масла слагается из двух ступеней — производства молока и переработки молока в масло. Молоко производится хозяевами артели не кооперативным способом, а единолично, каждым за свой счет. Масло производится также не кооперативным трудом, а при помощи наемных рабочих, не принадлежащих к кооперативу. Значит, в области труда производства ни на какой его ступени кооператива в данном случае нет. Иными словами, маслодельная артель не есть трудовой производительный кооператив, а только особый вид кооператива по сбыту, товарищество по переработке, подобно тому как мастерская потребительского общества не есть трудовой производительный кооператив, а только дополнительная организация закупочного кооператива.

И не только русские кооператоры не замечают принципиального различия товариществ по переработке и производительных артелей. Ту же ошибку делают и многие теоретики

кооперации на Западе. Так, например, проф. Вигодзинский в своем известном курсе «Das Genossenschaftswesen in Deutschland» относит товарищества по переработке к группе производительных кооперативов, которые делятся им на частичные и полные. Частичные производительные кооперативы выполняют на кооперативных началах только часть того или иного производительного процесса. Так, например, маслодельная артель, которую Вигодзинский относит к частичным производительным кооперативам, перерабатывает в кооперативном предприятии молоко в масло, но само молоко добывается вне кооперативного предприятия. Напротив, полные производительные кооперативы организуют кооперативным образом весь процесс производства с начала до конца.

В данном случае Вигодзинский обнаруживает прямо-таки поразительное непонимание особенностей различного вида кооперативов. Он думает, что товарищество по переработке есть та же производительная артель, только идущая не столь далеко, «менее радикальная», как он выражается, чем эта последняя. Нетрудно показать, однако, до какой степени несостоятельно такое понимание.

Возьмем производительную артель, хотя бы сапожников, и сравним ее с маслодельной артелью. В артели сапожников производителями являются сами сапожники, непосредственно своим трудом участвующие в производстве. Наемного труда не существует, собственниками сапог являются те самые лица, которые их произвели. Напротив, в маслодельной артели масло принадлежит отнюдь не тем рабочим, которые его произвели. Масло принадлежит поставщикам молока, не принимавшим ровно никакого участия своим трудом в переработке молока в масло.

А между тем, с точки зрения Вигодзинского, сапожная артель и маслодельная артель должны быть признаны кооперативами одного рода — частичным производительным кооперативом. Ведь и сапожная артель подобно маслодельной артели не выполняет в своем предприятии всего процесса производства сапог: она покупает кожу на стороне и только перерабатывает эту кожу в сапоги совершенно так же, как маслодельная артель только перерабатывает в своем предприятии молоко, а получает его от индивидуальных производителей.

В сущности Вигодзинский должен признавать все производительные артели частичными производительными кооперативами, ибо ни в одной из них процесс производства не ведется с начала до самого конца в том же предприятии, все они покупают сырой материал и иные средства производства на стороне и, следовательно, выполняют только частичные операции производства.

С точки зрения Вигодзинского, не было бы никакого различия между двумя маслодельными кооперативами следующих типов: в одном переработка масла велась бы наемным трудом, а предприятие принадлежало бы поставщикам молока, в другом же переработка масла велась бы маслодельными рабочими, которые за свой счет покупали бы молоко на стороне, а предприятие принадлежало бы маслодельным рабочим. И тот и другой кооператив Вигодзинский должен принять в равной мере частичным производительным кооперативом.

Однако не требует никаких доказательств, что маслодельные кооперативы двух названных типов глубочайшим образом отличались бы друг от друга; это видно уже из того, что маслодельные кооперативы первого типа удивительно преуспевают и в некоторых странах уже почти уничтожили в области маслоделия капиталистические предприятия, между тем как маслодельные кооперативы второго типа совершенно отсутствуют.

Легко понять, какая невероятная путаница возникнет, если, говоря об успехах маслодельной артели, мы не будем различать, о какой именно артели идет речь — о той, при которой масло принадлежит поставщикам молока, или о той, при которой масло принадлежит маслодельным рабочим. Первая артель действительно делает быстрые успехи, что же касается до второй, то она не только не преуспевает, но до сих пор еще и не возникла.

И если, как заявляет Вигодзинский, успехи полных производительных кооперативов «равняются в Германии нулю», то дело тут совсем не в том, что «полные» производительные кооперативы идут дальше в своих производительных операциях, чем «частичные», а в том, что преуспевающие частичные производительные кооперативы организованы совершенно иначе и имеют совершенно иную внутреннюю природу, чем «полные» кооперативы. Успехи маслодельной артели, организованной по типу «полного» производительного кооператива (т.е. без наемных рабочих), также «равны нулю».

Такая путаница понятий у лучших теоретиков кооперации нагляднее всего свидетельствует о несовершенстве современной кооперативной теории. Нередко делают и другую ошибку в классификации кооперативов: смешивают производительную артель с фабрикой потребительского общества. Совершенно ясно, что эти хозяйственные организации имеют различную структуру: в производительной артели нет наемного труда, а на фабрике потребительского общества работают наемные рабочие. Тем не менее и то, и другое производство сплошь и рядом фигурируют и в кооперативной литературе, и в официальной кооперативной статистике (что еще хуже) под общей рубрикой «производительная кооперация».

И опять-таки в этом смешении виновны видные кооперативные деятели. Так, например, на съезде германского Всеобщего союза в Баден-Бадене в 1901 г. между представителем союза Крюгером и одним из вождей пролетарского кооперативного движения фон Эльмом¹⁹ завязалась полемика, основанная на неправильном употреблении термина «производительная ассоциация». А именно: Крюгер, возражая против стремления пролетарских потребительских обществ основать собственное производство, указал на неосуществимость производительной ассоциации (артели). В свою очередь фон Эльм, ссылаясь на успехи собственного производства потребительских обществ, стал защищать производительные ассоциации, апеллируя к памяти отца германской кооперации Шульце, который признал производительные ассоциации «венцом кооперации». И Крюгер, и фон Эльм не сознавали, что между производительной ассоциацией и собственным производством потребительского общества нет ничего общего и что Шульце, говоря о производительной ассоциации, никогда не имел в виду собственного производства потребительских обществ.

4. Формы кооперативного движения

Кооперативное движение есть общественное движение, имеющее своей непосредственной целью создание разного рода кооперативов, классификация которых дана выше.

Кооперативное движение имеет такой же классовый характер, как и другие великие социальные движения нашего времени.

Так как кооперативы являются одной из форм самозащиты трудящихся классов от неблагоприятных для них условий капиталистического хозяйства, то естественно, что кооперативное движение возможно и исторически существовало и существует только в среде трудящихся классов. Соответственно этому можно различать кооперативное движение среди пролетариата, крестьянства и промежуточного класса мелкой буржуазии.

Что касается пролетариата, то для него открыты преимущественно нижеследующие кооперативы: потребительские общества, домостроительные кооперативы, трудовые и производительные артели. По причинам, которые будут выяснены ниже, производительные артели не могут достигнуть больших успехов в современном хозяйстве. Трудовые артели более жизнеспособны, но и они играют сравнительно незначительную роль в системе современного хозяйства. Домостроительные кооперативы уже гораздо важнее, но главным пролетарским кооперативом являются потребительские общества, составляющие вместе с тем важнейший вид кооперативов.

Легко понять, что все кооперативы по сбыту продуктов и закупке средств производства не существуют для наемных рабочих, не ведущих самостоятельного производства. Кредитные кооперативы также имеют в виду преимущественно самостоятельного производителя, ибо совершают операции преимущественно производительного, а не потребительского кредита. Таким образом, и кредитные кооперативы существуют не для пролетария.

Для мелких самостоятельных производителей открыты все роды кооперативов, а некоторые из последних и имеют в виду только самостоятельных производителей. Мелкое производство существует как в области сельского хозяйства, так и в промышленности. Однако сельскохозяйственная кооперация по причинам, которые будут выяснены ниже, далеко превосходит по своему значению промышленную кооперацию, и из трех основных ветвей кооперативного движения — пролетарского, крестьянского и мелкобуржуазного — наибольшего развития достигли две первые ветви.

Что касается мелкобуржуазной кооперации, то она имеет своеобразный характер, соответственно своеобразному классовому характеру мелкой буржуазии. К мелкой буржуазии можно причислить частью многие категории служащих — мелких чиновников, представителей либеральных профессий и т.д., частью мелких предпринимателей, которые получают доход из двойственного источника: из своего труда и из своего капитала, иначе говоря, из эксплуатации чужого труда. Поскольку мелкий предприниматель является представителем трудового элемента, постольку он может быть истинным кооператором; но поскольку мелкий предприниматель является капиталистом, постольку он чужд кооперации. И потому кооперация в среде мелкой буржуазии есть не полная, но капиталистически перерожденная кооперация, легко превращающаяся в чисто

капиталистические товарищества и союзы, не имеющие с кооперацией ничего общего. Эти три основные ветви кооперативного движения — пролетарская, крестьянская и мелкобуржуазная кооперация — и будут рассмотрены нами в последующем изложении особо.